

Андрей ОРЛОВ

ПЕРВЫЙ СРЕДИ КРАЙНИХ

МИР
ФЭНТЕЗИ

Андрей Орлов

Первый среди крайних

2007

Орлов А. Ю.

Первый среди крайних / А. Ю. Орлов — 2007

Он – никто в этом мире, охваченном паникой. В мире, где правит нечисть, где из животных выращивают монстров, а из растений – душителей. Здесь города и деревни – полигон для прикладной генетики и безумных экспериментов. Угроза за каждым поворотом, и не знаешь, какой она будет через минуту. Он пришел из ниоткуда и зовут его никак. Он просто Первый среди крайних, единственный, кто может остановить этот марш безумия. Иначе сам превратится в Нечто...

Содержание

ПРОЛОГ	5
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ	8
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Андрей Орлов

Первый среди крайних

ПРОЛОГ

День, когда Александр Максимович Верест навсегда покинул этот мир, был пропащим с самого утра. На календаре второе августа – за окном уныло, слякотно. Кошка Ксюша сгрызла набирающий цвет циперус, который Вероника умыкнула с ежегодной цветочной выставки. Еще и пива накануне выпил – зачем, спрашивается? Можно подумать, не знал, что завтра снова на работу...

Будильник он проигнорировал – провалялся лишние полчаса. Почистив зубы, ссыпал из жестянки остатки кофе, устроился с бокалом и сигаретой в лоджии. Ритуал заведенный, можно не помыться, можно не побриться, но если не покурить, совмещая это дело с ароматной «черной смертью» – вряд ли день начнется.

Мир безжалостно полоскал и хлюпал. До Венеции далековато: у них каналы, у нас – канавы, у них песни гондольеров, у нас – перебранка дворников. Допивать кофе пришлось в квартире – дождь усилился и хлестал по коленкам. Несколько минут он искал зонтик, а когда нашел, впал в расстройство – рваный. Был еще один, он точно помнил, но где его искать в этом бедламе? Не квартира, а средоточие хаоса.

Кухонное радио передавало «Астропрогноз на сегодня». Бархатный голосок с придыханием извещал, что Тельцу на текущие двадцать четыре часа предначертаны радостная встреча, удивительная находка и приятный сюрприз.

Одно утешение – пятница.

– Заходи, пехота, – впустил коллегу в подвал Василий Забелин. Комбинезон на рабочнике был подозрительно чист, а физиономия подозрительно сияющая. То есть к работе парни не приступали.

Первое впечатление не подвело. Забетонированный накануне участок пола подсох и смотрелся в целом нарядно. К инструменту не прикасались – как побросали с вечера, так и лежит. Пустые носилки, лопаты, «гладильные» доски, уровень в углу. Генка Жуков дрых, укрывшись фуфайкой. Карташов смолил сигару, пуская в потолок красивые колечки. Васек заразительно зевал и чесался.

– Прокопенко не придет, – объяснил ситуацию Забелин. – Увезли на смежный объект, там срочная сдача. До понедельника точно не нарисуеться. А нет Прокопенко – нет цемента. Нет цемента – нет бетона. Нет бетона...

– Нет зарплаты, – буркнул Верест.

– А мы виноваты? – развел руками Васек. – Ты, Шуряк, не митингуй, а садись и кури. Нам еще весь день сидеть.

Минуты тянулись ленивой черепахой. Наконец, Карташов затушил сигару, с хрустом потянулся и, выразительно почесав кадык, бухнул логичное:

– Ну, это самое, мужики...

– Ни свет, ни заря? – насторожился Верест.

– А чего тянуть? – заволновался Забелин. – На доску почета не планируем. Вон, глянь на Генку – перепил вчера мужик, в трезвяк загудел, еле жив остался. Нешто не поможем?

Генкина физиономия на глазах порозовела, причмокнула и приняла осмысленное, насколько могла, выражение. Глаза с надеждой приоткрылись.

– Воистину воскрес, – обрадовался Карташов.

Пить особенно не тянуло, тем более местное, вонючее, так называемое пиво, которое Забелин притаранил аж в двух авоськах. Завидный талант у мужика – проскочить мимо бдящей табельщицы, отделочников, ихнего мастера и сторожа в собачьей будке. Там своеобразный сторож – в равную охотку лает и на своих, и на пришлых.

После первой Генка начал подавать признаки жизни. После второй разговорился. Третья благополучно ввергла во вчерашнее. Он легким поворотом руки уронил бутылку, упал и мощно захрапел.

Карташов срезал горелый кончик сигары, раскурил остаток. Откинув руки за голову, завалился на фуфайку – запыхтел, кайфуя.

«Засиделся я в этом мире», – с тоской подумал Верест. Внезапно всё на этом свете сделалось противно – сырой подвал, подвыпившие коллеги, бытие от получки до аванса, Вероника, поучавшая его жить позапрошлой ночью...

Забелин, буркнув «Увидимся, мужики», умчался в лабиринты подвала.

Настала тишина. Даже Генка перестал храпеть.

– Фу-у... – выдохнул Карташов. – Хорошо-то как, господи...

Помолчали, наслаждаясь тишиной. Васёк не возвращался.

– Заблудился, – предположил Карташов. – Да ну его в форточку. Сейчас придет, будет бухтеть, как у него менторогие деньги отняли.

Не сговариваясь, потянулись к бутылкам. Не хотелось совершенно, желудок протестующе сжимался – но рефлекс, куда от них денешься.

– Барахло, – совершенно верно заметил Карташов, вытирая рукавом рот.

– Редкое, – согласился Верест. – От этого пошла в скотину превращаешься.

Снова сделалось тихо. Черное пространство, сомкнувшееся за Забелиным, не думало размыкаться.

«Придуривается, – думал Верест. – Пойдешь искать, а он зажигалку себе под зубы, и будет привидением работать. Доказывай потом, что это не совсем круто».

Чернота загадочно помалкивала. Вздохнув, Верест поднялся.

– Пойду пинка дам. Заодно дело сделаю.

– Удачи, – напутствовал Карташов.

Работы проводились в обширной подземной галерее. Заливали пол, штукатурили стены. Считалось, что бригада трудится по договору – не от СМУ, а как бы «шараш-монтаж»: фронт работ, выполнение, расчет, увольнение. В идеале премия, но в нее как-то не верилось. Старый дом на Николаевском проспекте, принадлежавший каким-то графьям, простоял сотню лет, никому не нужный. Экстерьер у него, конечно, был отталкивающий. Штукатурка осыпалась, крыша прогнулась. А тут вдруг спохватились. Центр города! Престиж! Некий крупный бизнесмен областного масштаба выкупил реликт у мэрии, намереваясь сотворить из дома конфетку. В подвале, как признался по секрету прораб, собирались отгрохать казино с бильярдной, повыше – ресторан, еще выше – какой-то баксоотмывочный фонд под благородной вывеской. Бригаду «халтурщиков» бросили на самое дно – ремонтировать подземелье. Работа каторжная, зато обещали щедро – лишь бы сделали в срок.

Не подвал, а катакомбы керченские. Глубокие мешки, ниши, хитроумно соединенные проходом. Не популярная коридорная система, а смесь последней и сквозной – сочетание анфилад и базилик в миниатюре, когда из одного помещения ведут сразу несколько дверей, причем в разные стороны, переходя в извилистые коридоры и галереи. Догнивали трубы, проседал земляной пол, обрисовывая подозрительные провалы. По решению бригады справлять нужду ходили в продолговатый земляной склеп – четвертое помещение от ремонтируемого. И не дай бог ближе; кого застукают – тому дружное общественное порицание.

Мерцание от переноски растворялось. Темень делалась густой, непроходимой. Верест поднял зажигалку: пламя высветило трухлявый косяк. В изъеденной древесине копошилась

тля. По привычке сжав плечи, он собрался протиснуться в проем... и чуть не растянулся, споткнувшись о бухту провода. Вот тебе раз! Вчера ее не было. Подняв зажигалку, он осмотрел помещение. Электрики постарались. Вся комната завалена смотанными проводами. Склад устроили, как будто больше нигде. Носы у них, что ли, не работают? Еще один «шараш-монтаж» – приходят вечером (днем на Гусинке чего-то тянут); занимаются произволом, лишь бы самим хорошо было.

Тяжело вздохнув, Верест отодвинулся от косяка. Теперь понятно, куда подевался Забелин. Дальше пошел – коридор осваивать. Пьяный, а сообразил.

И где-то в лабиринтах, похоже, заблудился. Прищулив глаз, Верест огляделся. За осыпающимся простенком обнаружился узкий коридор. В глубине – очертания проема. В те края еще не забирались. Кроме Васьки – куда ему еще сунуться?

Пиво в организме бурлило, колобродило и чертыхалось. Сохрани он трезвый ум, обязательно задался бы вопросом не вскользь, а углубленно: где Василий?! Он добрался до проема, осветил помещение – ничего необычного. Затхлость, догнивающее дерево. Несущая бетонная стена с потеками какой-то слизи. На полу вековая пыль. А что, собственно, дальше? Поворот и вновь очертания дверной рамы. Как-то странно повело себя пламя – он не чувствовал ветерка, но огонь задрожал, пригнулся и практически лег, опалив руку. Перехватив зажигалку за кончик, он ступил вперед. Размытое пламя не освещало комнату. На свою беду он сделал второй шаг. Нога ушла вниз, провалившись во что-то мягкое. Чересчур мягкое. Вязкое, засасывающее, зыбучее. Не песок, не земля.

«Ну и ну, – успел подумать Верест. – Куда это я собрался?»

И не заметил, как вторая нога примкнула к первой – в ушах засвистело, холод продрал и вздыбил рубашку. Он хватанул воздух – стылый, колющий, взмахнул руками и куда-то загремел...

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Сознание возвращалось фрагментами. Кусочки мозаики стыковались, образуя затейливую картинку.

«Подожди, не психуй, – говорил ему кто-то изнутри. – Наберись терпения, пусть устаканится».

Картинка выравнивалась, обростала объемом, звучанием, ощущениями, перестала дрожать, двоиться, и наконец загрузилась, обретя хрупкое постоянство. «Готово», – сообщила надпись в нижней части экрана.

«А вот теперь психуй», – вздохнул внутренний голос.

Он лежал в траве под бесформенной оградой. Камни разной величины, пористые, неотесанные, похожи на ракушечник. В стыках раствор – не привычный серый цемент, а какой-то зеленоватый, как будто обросший плесенью. По небу медленно перемещались комковатые тучи – слишком низкие и плотные, со сложным пространственным рисунком, чтобы не обратить на них внимание. Он никогда не видел таких туч. Почему они не падают?

Он зябко поежился. Не жарко. Приподнялся, прислушался к организму – здоров ли? Кажется, здоров. Легкая слабость в ногах, в голове – остатки калейдоскопа. Не пора ли запастись оптимизмом?

Придя в подвал, он не стал переодеваться – работы нет, какой смысл? Потреблять пиво можно и в домашнем. В домашнем он и очнулся: синие джинсы, батник фирмы «Села», кроссовки «Адидас» – не германские, но очень похожие.

Он насторожился – звук мотора вряд ли относился к слуховым галлюцинациям. Дребезжало не за горами – простуженно, с надрывом. У соседа по этажу Пал Палыча «запор» дребезжит примерно в той же тональности, правда, потише...

Приподнялся. Ландшафт какой-то диковинный. Забор – но это понятно... Кусты причудливые вдоль ограды: листья насыщенно зеленые, лопатовидные, с широкой срединной полосой, по кайме шипы, из нутра – мохнатые метелки веером – словно не куст, а диковинный волоконный светильник в вазе. Метрах в сорока – не то ворота, не то большая калитка арочного исполнения. Слева дорога, мощеная желто-бурым камнем. За дорогой лес – не сельва, не тайга, не родной умеренного пояса. Сочная зелень, мощные древовидные, в принципе, хвойные, но больно уж пугающие. Иглы растопырку, стволы чешуйчатые. Подлесок и того паршивее – кусты оплетают стволы, падшие ветви выются по земле. Не ветви, а гадюки – гладкие, жилистые. На упитанных цветоножках – соцветья: ядовито-фиолетовые, клиньями растопырку...

«А вот и приятный сюрприз, – уныло подумал Верест. – Будем ожидать радостной встречи».

Дождлся. Дребезжание мотора вырвалось из ограды. Появилось неуклюжее транспортное средство – занятая помесь утюга и сухопутного катера. Подробности рассмотреть не удалось, поскольку началось действие. Два откормленных бугая в круглых металлических шапочках сгрузились с подножки и, путаясь в балахонах, почесали к Вересту. Он открыл рот и даже забыл толком встать. Сюр какой-то... За толстяками с утюга сгрузился третий, поспокойнее. Что-то выкрикнул гортанно. Широченные плоские физиономии, минимальные лбы, животы, как у артиста, который «пиво пил»... Оба головы на полторы выше Вереста, за плечами оружие – стволы с газоотводными вырезами, напоминающие автоматы ППШ времен Великой Отечественной.

Один что-то каркнул, бесновато вращая глазами. Верест медленно поднялся. Некультурно сидеть. Подозрительно легко как-то в теле – почему?

Не дождавшись ответа, боец набрал воздуха в легкие и повторил фразу.

– Не ори, – буркнул Верест. – Оглохну.

Второй присоединился к первому. Заорал в другое ухо. Первый схватил его за руку, сжал. Второй продолжал выдавать гневные рулады на непонятном языке. «Иностранцы», – с сообразительностью, достойной Штирлица, догадался Верест. Неприветливая публика. Он пытался что-то сказать, но, услышав начало фразы, эти двое совсем взбеленились. Удар кулачищем в живот (он успел напрячь пресс, но злость нашла героя), и Верест завис, как на стяжках. Больше не били, просто выкручивали руки. Подошел третий – пудель крашенный. Волосы башней, весь в мелких кудряшках, физиономия бледная, анемичная, гольфики на кривых ногах, грудка узкая, утянута жакетом с тесемками. Опять произвел какие-то звуки – гортанно и вместе с тем визгливо. Представитель местных секс-меньшинств?

Пузаны, как по команде, завели ему руки за спину. Верест упал на колени. «Пудель» приблизился, продолжая тараторить. Поигрывал тросточкой.

«На коленях предлагают посидеть, – догадался Верест. – Поунижаться перед вышестоящим».

Плебействовать он не любил. Как фанера летел из всевозможных контор, чьи хозяева и администраторы воспринимали персонал за нелюдей. Трудовая книжка пестрела гневными записями... А тут еще больно сделали – чуть суставы не оторвали вместе с жилами. Боль он тоже не любил. Злоба захлестнула. Выпластав левую ногу, оттолкнувшись, он послал правую по окружности. Легкость в теле – вопиет. Кудреватый заорал, получив в пах. Толстяки от изумления ослабили хватку. Растерялись. А правый вообще отпустил, кинулся к шефу, который тарачил жабы глаза, зажав пораженное место, и отчаянно выражался. Верест ударил левому пяткой в подъем стопы. А сапожок из мягкой кожи... Пузан завыл от боли, размахнулся кулачищем...

«Неважные бойцы, – думал Верест, рыбкой уходя под руку. – Массой берут».

Или авторитетом, поди догадайся. Дождаться, пока толстяки доберутся до своих дырявых стволов, он не стал. Хватит трюкачества. Он помчался через полянку к лесу. Бежать недалеко – десяток прыжков. Кудреватый еще издавал хрюкающие звуки, когда он влетел в заросли, пробился через хаос веток и побежал за массивное пупырчатое дерево.

Погони не было – он бы уловил топот. Порядком удивленный, Верест отодвинулся от дерева и стал подглядывать через переплетение ветвей.

«Пудель» пережил болевой шок – стоял почти прямо, косо щурясь, коверкал рожу зловещей ухмылкой. Толстяки переминались – возвращать беглеца они явно не рвались. Оплывшие жиром простецкие физиономии выражали разве что любопытство.

Верест насторожился. Не к добру.

Как в воду глядел. Под ногами сухо прошелестело, впилося в ногу. Тугая змейка поползла по щиколотке! Снова шелест – вторая нога онемела, что-то двинулось вверх по голени, застрялось спиралькой. Он похолодел: ничего себе заявочки... Глянул вниз. Не змеи. Что-то сероватое, бугристое...

Ветви с кустарника! Непропорционально длинные, они спадали со ствола, вились по траве замысловатыми узорами. И вдруг пришли в движение! Словно пищу почуяли. Покачивая неприятными пурпурными цветками, зазмеились, окрутили ноги. Шевельнулся куст – он не поверил своим глазам, проморгался: повылазили новые, потянулись к нему, изгибаясь знаками бесконечности. Отовсюду! Шорох над головой. Он вскинул голову – скрученный клубок из шевелящихся ветвей сползал по стволу. И даже уродливые, гнутые деревья задвигали иголками – почуяли чужака и насторожились. Живой лес! Неужели с пива?

Смотрелось это, конечно, не ахти. А главное, больно было – стебли впились в ноги, словно когти Фредди Крюгера. Галлюцинациями Верест не страдал. Наркоманов презирал, как класс. И чувству опасности доверял, как родной маме – уж если страшно, то беги, пока цел. Он пытался освободить ногу – туго. Бежать в карьер опасно: загремит – уже не поднимется. Тогда он стиснул охвативший его стебель, размотал обеими руками: такое ощущение, что разматы-

ваешь проволоку-«шестерку». За ней вторую – не теряя времени. Что-то свистнуло над ухом. Он отскочил, откровенно паникуя. И вовремя – целый клубок размером с добрый булыжник шмякнулся туда, где он стоял. Обуянный паникой, Верест бросился на опушку. Кусты хватали за одежду, сучья лезли в глаза. Задышавшись, разгоряченный, он вывалился из зеленого ада, встал, унимая колотушку в груди.

Жлобы надрывали животики, тыча в него пальцами. Кудреватый не смеялся – стоял с недоброй ухмылкой и сверлил взглядом. Один из пузанов скинул с плеча автомат, продолжая ржать, поманил стволом – дескать, лапы в гору, чужачок, и кам цу мир...

Верест оглянулся. Злополучный лес, раздраженный визитом, продолжал шевелиться. Живые стебли выползали на опушку, рисуя узоры фиолетовыми цветами. Жуть рогатая...

Он сплюнул и поднял руки.

– Ладно, уроды, ваша взяла. Забирайте.

За «уродов» ему отвесили по полной схеме (языка не поняли, но мимика – куда уж кристальнее). Приклад втемяшился в челюсть, заставив пасть в траву. От пинка по ребрам он заорал. Удар стальным набалдашником трости в основание черепа, отвешенный ухмыляющимся «реваншистом», вовсе выбил из реальности. Дальше Верест принимал мир клочками. И снова раздирающая боль: безвольное тело бросили в «утюг» – под ноги победителям. Пока везли, порядком извозили: манерный вурдалак использовал его в качестве коврика для обуви. Он помнил визгливый голос, тарактение мотора. Тащили по облицованной гранитом аллее. Мрачноватые глыбы с игольчатыми башенками и надстройками, чугунные шары на заборе, шпили, причудливые тучи, плывущие слишком низко, почти по кровлям... Опять голоса. Процесс раздевания и облачения в рубище, сопровождаемый удивленным похмыкиванием кудрявого. Полумрачные винтовые лестницы, коридоры. Его втолкнули в сырую камеру, запечатлев на заднице каблук. Он упал на гнилую подстилку и потерял сознание. Очнулся от монотонной капли, голова трещала и стреляла трассерами. С потолка стекала жижа – отрывалась от стены, переходящей в нишу, звучно разбивалась. Он поднял голову – в продолговатой пустоте чернело отхожее отверстие, окруженное окаменевшими лепешками.

Состояние предынфарктное. Потрогал шишку на макушке – болит, сволочь... Ладно, череп не пробил. Спасибо, начальник. Привстал на корточки, заговаривая жжение в почках, осмотрелся. Тоска пилила шарманкой. Лег навзничь и устался в заплесневелый потолок. Одиночка – отсыревшее вонючее помещение. Подстилка на полу, дырка в нише. Еще оконце у потолка, забранное прутьями, и нечто напоминающее лампу – над входом. Остальное – камень, шершавый, с желтыми потеками, неровно расшитый цементом. От такой халтуры нормальный строитель удавился бы.

Сознание прыгало, контролю не подлежало. От удара по макушке в глазах двоилось. Потолок наезжал и рассыпался, обнажая новый. Много раз он падал в обморок, приходил в себя, снова падал. Очнулся на боку – от скрипа. Кованые каблуки остановились около носа, как бы размышляя: врезать – не врезать... Плюхнулся чугунный горшок с торчащим «веслом», и что-то вроде ржаной краяхи – судя по стуку, тоже чугунной.

Тюремщик удалился. Александр приподнялся, заглянул в чугунок. Пошевелил «веслом» в студенистой массе – попался кусочек мяса, на запах вроде говядина. Старая. Жилистая. С трехкратным запасом прочности. Он проглотил ее, не став жевать, заткнул нос и выхлебал до дна студень. Хоть какая-то еда. Оставлять себя без сил он пока не собирался.

«Слиток» хлеба пришлось проигнорировать. Облизав ложку, Верест опять завалился. Очнулся от холода – пока спал, чуть богу душу не отдал. Притупилась головная боль – это плюс...

Он бросился метаться по камере, растирая плечи. «Есть параллельный мир, есть... Кто сказал, что его нет?» Фантазия плясала вприсядку. Но вдруг как в сказке скрипнула дверь. Он

не успел образмерить свое несчастье и выработать тактику – боров в металлической шапочке впихнул в камеру какого-то кренделя. Тощего и смуглого. В плетеной дерюге до колен времен Джордано Бруно, соломенных штанах. На ногах деревяшки вроде сабо, снабженные завязками для икр. Рожа кислая, чумазая, глазки бегающие. Влетел и покатился по полу. Очень артистично. Докатился до Вереста, уселся на пол, почесал за ухом.

Охранник плюнул в лампочку и захлопнул дверь.

Стукача подселили, – догадался Верест. Помолчит, помнется, пасть беззубую разверзнет и начнет убалтывать. Гнилой заход. С языком у нас – полная неясность.

Тип из мутного болота молчал минут пятнадцать. Дышал по-собачьи, высунув язык. Потом боязливо поднял глаза и что-то сказал. Странно. Верест ни слова не понял, но в произношении отметились нечто отдаленно знакомое. Не славянское ли? Или показалось?

Он показал на «рыбьем» языке – не понимаю, товарищ.

Шибздик приосанился, обнажил живописные осколки во рту и ткнул в себя грязным пальцем.

– Джембо, – коротко и ясно.

Представление требовало взаимности. Чем ответить? Верестом – глупо. Александром? Не поймут, опять поколотят. Алекс?

– Лексус, – буркнул он. О существовании фирмы, производящей автомобили для начальства, дуболомы могут и не знать. А звучит по-домашнему. И гордо.

Джембо возразился и выдал рабOLEпную тираду. Уставился выжидающе. Верест решительно покачал головой – не надейся. Общаться с подсаженной тюремной шелупонью он не умел и не собирался. Демонстративно отвернувшись, закрыл глаза, вытянул ноги и принялся облекать свое несчастье в более-менее адекватные рамочки. Джембо обиженно посапывал.

А рамочки выходили исключительно траурные. Возврат, по всем приметам, не предвиделся. Он очнулся у забора. Допустим, «ворота» (или как их там назвать, тьфу, дожил...) неизменны в пространстве, ну и что? Где искать эту точку? Где забор? Как вырваться из тюрьмы, не зная ни языка, ни местности, ни ситуации?

Что подумают ребята? Если сами не ухнут по его примеру. Одно неплохо – всплакнуть о нем некому. Сирота он казанская, с десятого класса один. Родная сестра фирму возглавляет во Владивостоке, принципиально не общаются; друзья переживут, бабочки-однодневки – не вспомнят, Вероника прослезится, не без этого, посидит в пустой квартире, погрузит, циперус упакует (хоть бы кошку не оставила!), а завтра другого найдет и будет век ему верна со своими фрейдизмами.

Мысли уносились. Недавнее прошлое становилось светлым. С каждой минутой – светлее, радостнее, беззаботнее...

Плохо отложилось в голове, как пришел охранник и за шиворот выдернул соседа. Потом вернул – точным попаданием. Верест вяло повернул голову. Джембо, как ни в чем не бывало, сидел на матрасе и выщипывал из макушки блох, пребывая явно в естественной среде обитания. Обнаружив проявленное внимание, разулыбался, как старому товарищу. При ближайшем рассмотрении его рожа оказалась не столь уж гнусна, как имидж.

Сунув палец в рот, Джембо надкусил ноготь. Затем выстрелил слюнявым пальцем в окно.

– Окене, – сказал с ударением на первый слог. Верест удивленно проследил за пальцем. А Джембо развернул перст на сто восемьдесят, ткнув в дверь.

– Скрыпень.

Поднял выше, в лампочку.

– Свято. Пымай?

Верест чуть не расхохотался. Пымай, куда уж тут не пымай. Похоже, мозговеды поручили Джембо ответственное задание – в ускоренном темпе обучить узника языку. Кроссовки приглянулись?

Он ловил на лету. Интересно стало, увлекся. Стукачок уже не трещал без умолку, выдавал краткие фразы, заставляя Вереста повторять их прилежным попугаем. При необходимости рисовал слоистым ногтем по слизи на стене. К вечеру Верест усвоил, что он находится в самой мрачной каталажке города Чуга. Именно под стенами этого славного учреждения его и угораздило материализоваться. Начальствует над людьми некто Варвир. Одного он пока не уразумел – где именно начальствует Варвир: в тюрьме, в достопочтенном царстве-государстве, или это сам Создатель из местных? К вечеру следующего дня ясность наступила. Варвир начальствует в тюрьме. Государство именуется Колокус – им заправляет его величество и святомудрейшее Рензеллор Второй. На свободном от граффити участке стены по выразительной просьбе сокамерника Джембо нацарапал карту – вытянутый с юго-запада на северо-восток континент с увесистым полуостровом на юге. Чем не Украина?

– Тунгнор, – заявил он важно, обводя нацарапанное. В середине очертил что-то вроде овала. – Колокус, – пояснил уважительно. Ткнул в точку на северо-востоке королевства, закончив краткий экскурс: – Чуга.

«С существительными пока неплохо, – подумал Верест. – Хорошо бы разобраться с ходовыми глаголами».

Полночи он тряс утомленного доносчика, пока не потухла над дверью грязно-желтая лампа, а Джембо мигом не захрапел. Наутро тяга к знаниям разбушевалась до неприличия. Джембо потихоньку скисал, а Вереста грыз зуд открытий. К обеду он освоил популярные существительные, местоимения и некоторые глаголы. Попутно расширялись познания в географии. Материк Тунгнор по размерам несколько превосходил зарубежную Европу без Скандинавии.

В этом мире преобладала десятичная система измерения: одна тулия, если Джембо не врал, составляла порядка 1,2 метра, тысяча тулий – один крилл, протяженность материка с запада на восток – около трех тысяч криллов. Вмещал Тунгнор порядка 11-12 государств. На юге – пустыню Аркатур, на севере – сложную горную систему, стерегущую вход в некие таинственные земли, о которых Джембо деликатно умолчал. Есть ли жизнь вне материка, он тоже не распространялся (возможно, не знал), указав лишь на наличие каких-то мглистых северных территорий за океаном, по ряду причин не очень посещаемых.

– Война идет, – ткнул он в западную оконечность материка и провел линию на восток, не доведя полпальца до Колокуса.

На этом захватывающем месте ворвался охранник с бесноватой физиономией, схватил Джембо за сальные волосы и куда-то уволок. Вернул бледнее бетона: сокамерник тяжело дышал и держался за бок. Верест даже посочувствовал: в любом из миров работа стукача вредна и опасна. «Сейчас начнет выяснять мою биографию», – догадался он.

– Лексус, ты кто? – проскрипел Джембо.

– Там, – показал Верест куда-то выше нарисованной карты. – Далеко. Много криллов. Большой человек.

Глазки Джембо зажглись алчным блеском. Осталось лишь порадоваться за товарища: на хлеб без масла заработал.

– Город? – с надеждой спросил Джембо.

– Город, – кивнул Верест. – Большой город. Мегаполис называется. Большая армия, сильный король. Великая страна.

Информация просто офигенная. Джембо еле дождался, пока его опять выдворят из камеры. Вернули без существенных увечий, обойдясь традиционным пенделем. Он неловко упал, подвернув ногу. Лопнули завязочки на «сабо». Жалобно постанывая, узник уполз в свой угол, где и занялся мелким ремонтом.

– Джембо, почему ты в тюрьме? – участливо поинтересовался Верест. – Убил кого-то?

– Говорю много, – вздохнул горе-сиделец, ловко связывая подгнивающие тесемки.

Узник совести, значит. Ну что ж, возможно, и так. Поболтать Джембо охотник. А убить кого-то, по крайней мере своими руками, это вряд ли. Чем-то он импонировал Вересту – то ли многотерпением, то ли идиотской улыбочкой Пьеро, с которой принимал оплеухи.

За этот вечер он не сделал новых открытий – за исключением трех ходовых ругательств. Одно звучало, как «О, вонючий саддах!»; другое отсылало в задницу к некоему фархану, третье считалось донельзя оскорбительным (от вельможи за него полагалось саблей в сердце, от крестьянина – оглоблей по загривку) и звучало, с адаптацией на русский, примерно так: «Я любил твою жену (как вариант – мужа), твою семью, полюблю, вонючий саддах, и тебя!» Детский лепет на лужайке. Неприятно, конечно, особенно последнее слово, но зачем оглоблей-то?

На четвертый день он схватывал увереннее. Представление об окружающем мире делалось богаче, пробелы заполнялись. Этот мир не спешил подпадать под влияние технического прогресса. Отдельными местами он соответствовал началу двадцатого века, другими – старому доброму средневековью. В Тунгноре продолжали охотиться на ведьм, одновременно почитая обряды колдовства. Изобрели автоматы, но продолжали рубиться на саблях. Варили сталь, собирали автомобили, погрязнув в дремучем феодализме с нерушимой иерархией и раболепством плебса перед знатью. Имели кабинеты министров и Церковь Эрмаса, погрязший в загуле институт офицеров и Корпус Королевской Безопасности – с небывалыми правами и возможностями. И ко всему прочему – войну, плавно перетекающую с запада материка к центру.

Он не сразу уловил, что за война такая. А когда Джембо разжевал, не поверил. С запада движется НЕЧТО... Генезис явления уже не отследить, да и не надо. Началось с миграций мелких безобидных животных: грызунов, птиц, насекомых, переносящих эпидемии. Народ кинулся в переселенцы. Далее – вылазки диверсантов-оборотней, сектантов-агитаторов, полеты птиц на низкой высоте, весьма смахивающие на рекогносцировку. А затем хлынула НЕЧИСТЬ! Потоком! Люди-крысы, летучие пауки, хвостоголовые гусеницы-переростки, вообще непонятные чудища, а в финале – вторглись орды хорошо вооруженных мертвоглазых: по облику – люди, по сути – зомби. Откуда такие? Ходили легенды, будто одни приплыли с запада, через океан, на узких длинноносых лодках с трескучими моторами; другие вышли из Залесья, третьи по велению колдовства оборотились в бойцов из отшельников-бродяг, обитающих в пещерах Торнаго.

Первым пал Фанжер. Людей, не павших в бою и не пущенных на провиант, расселили по резервациям. За Фанжером Гонзаг, частично – Эрминья. Вергилия и Сурин объявили тотальную мобилизацию, отдали треть своих территорий и остановили Нечисть на подступах к столицам, погрязнув в позиционной войне. В Колокусе всеобщая мобилизация не объявлялась, но к тому шло. Местные министры постигали, что в одиночку Угрозу не одолеть. Правительства Фуриама и Колокуса вели активные консультации на предмет объединения вооруженных сил, но до конкретных действий не доходило. Особняком стояла Уриба – она вела свою войну, вяло отражая наскоки местных бедуинов – фарханов – из Арката, рыскающих по южным границам государства и грабящих приграничные села.

Вот такое развеселье творилось в мире.

На исходе четвертого дня вошел охранник с бесноватым лицом. Джембо поджался. Однако вертухай остановился на пороге и поманил пальцем Вереста.

«Начинается», – с тоской подумал сиделец. Заложив руки за спину, вышел в ободранный коридор. Шагалося легко и непривычно. Он не ошибся в своих первоначальных выводах – сила тяжести в этом мире явно уступала земной. Порядка 0,6-0,7. Планета, видимо, меньше. И металлами победнее, особенно тяжелыми. Не Земля, где под каждой кочкой какая-нибудь руда. Любопытный факт. В данном случае он должен быть сильнее и выносливее аборигенов, обладать лучшей реакцией и подвижностью. Интересно, а какая у него сила удара? Исходя из элементарной математики, не меньше, чем у боксера-тяжеловеса. Остается проверить – но на ком?

Он еще не знал, что жизнь дарует широкое поле для экспериментов.

В комнате для допросов, декорированной увесистой настенной плеткой, сидели двое. Рябой писарь в бордовом камзоле и кудреватый «пудель», на чье интимное место он недавно покусился. Остальные стояли. По углам – двое с автоматами (аппараты смахивают на довоенную «Беретту М-38» конструкции Маргони: короткий ствол, длинный приклад, два отдельных спуска – для одиночного и автоматического огня). У двери еще один – мордovorот что надо. Помимо автомата – сабля в ножнах, не иначе, ефрейтор. Кудреватый явно чувствовал себя хозяином положения. Сидел в расслабленной позе, отъехав от стола, и постукивал по ладошке стеклом. Улыбался, сволочь.

«А почему он, гад, в моих кроссовках?» – с обидой подумал Верест.

– Ты кто? – надменно осведомился кудреватый.

«Во влип, – расстроился Верест. – Не иначе, сам Варвир – начальник каталажки. А я его по яйцам, как последнего забулдыгу...»

– Меня отпустить, – сказал он с достоинством. Помолчал, вспоминая слова. – Барон Лексус – я. Север. Крепость Мегаполис. Не отпустить – вы будете иметь большой неприятность. Мы – мощная армия. Вы – нажить дипломатический скандал и маленький позорный война.

Писарь усердно завозил по бумаге каким-то шилом. Споткнулся, видимо, на названии крепости, но не стал переспрашивать. Заскрипел дальше.

На Варвира слова не произвели впечатления.

– Как ты оказался здесь? – внимательно глядя Вересту в глаза, спросил начальник каталажки.

– Колдовали, – с невозмутимостью Саида из «Белого солнца пустыни» отозвался Верест. – Ошибка.

Хотел что-то ляпнуть про угол атаки и точечное человекометание, но запнулся о словарный запас и промолчал.

– Колдовали? – Варвир недобро прищурился и вперился в него колючими зрачками.

Отступать было некуда. Оставалось следовать первому правилу лаборанта: если не знаешь, что делаешь, постарайся делать это тщательно.

– Колдовали, – уперся Верест. – Мы мощные колдуны, – прорисовал пальцем дугу в воздухе и изобразил бухающий звук.

Варвир бросил что-то резкое. Не дождавшись ответа, повернулся к охранникам. Те взяли автоматы наизготовку.

– Что это? – разделяя слова, спросил Варвир, вынимая из камзола и выкладывая на стол серебристый предмет. Часы Вереста. Конфискат, иначе говоря. Об утере атрибута собственного имиджа Верест нисколько не жалел. Барахло китайское. Циферблат с претензией: «QUARTZ, WATER PROOF», «Philip Persio», но шли, как бог на душу положит, коварно замирая в самые интересные моменты жизни.

– Там... время, – гордо сообщил Верест. И добавил по-русски: – В сжатом и неотфильтрованном виде.

Начальник кутузки поднес часы к уху. Опасливо отложил в сторонку. В этом мире часов в привычном понимании не было. Пользовались какими-то пружинными хронометрами с неуклюжими подвесами, но как по ним определялось время – Верест, хоть убей, не понимал.

Исполнившись неодобрения, Варвир покосился на босые ноги узника – жива, видать, память об атаке на интимную зону. Наморщил лоб и задумался. Решив, очевидно, что с этим сидельцем он чересчур мягкотел, хлопнул в ладоши. Визгливо выкрикнул фразу, смысл которой остался за пределами понимания.

Охранники обложили его стволами. Вытолкали за порог, нацелив по коридору.

– Вперед!

«Что-то быстро...» – вкралось в мозг подозрение.

Неприятности стартовали мгновенно. Его втокнули в камеру, где сидели четверо матерых, здоровенных самцов. Рыла откровенно из кошмара. Один без глаза, но с огромным фиолетовым шрамом, разрубающим пополам пустую глазницу. У другого рваные ноздри. С крючка, что ли, сорвался? Третий, как горилла, покрыт бурой шерстью, которую постоянно чешет и что-то из нее выколупывает. Последний – горбатый, как верблюд, ходули длинные, тельце короткое, кулаки здоровые, с раздутыми суставами.

Доходчивого объяснения и не требовалось. Не жить сюда Сашу позвали.

Дверь с лязгом захлопнулась. Горилла перестала вычесывать своих компаньонов, похотливо осклабилась. Кривой подмигнул единственным глазом. Приподнялся тот, что с рваным носом. Горбун придирчиво обозрел посетителя, поводит мясистым рубильником, как бы принохаясь. «Не жилыцы этой камеры, – оперативно сообразил Верест. – Доставили, ждут своего часа... А теперь по-быстрому, оборачивай ситуацию в свою пользу! А то навеки сделают инвалидом в тридцать три юных года – со всеми вытекающими и втекающими...»

– Расслабься, малышок, – ощерил кривоизогнутую пасть рыжеволосый. – Тебе понравится.

– Ночь любви, всего лишь, – добавил одноглазый. – Штанишки-то снимай.

Не впечатляли Вереста подобные тексты. Но тут все разом пришли в движение, замкнули полукруг, притерли к двери. Два метра дистанция, полтора. Привычно им работать с «клиентами». Оберни же ситуацию!

Он сделал испуганное лицо, отвернулся и забарабанил кулаками в запертую дверь.

– Откройте! Помогите!

Ублюдки хором загоготали. Ушки на макушке, стойка «труса», и затылок вполне прилично реагирует на дистанцию. Легкость в теле провоцирует. Движение, как будто лыжник выталкивает из-под себя лыжи. Резко разогнул ногу – рывок наклонно вверх ягодичной мышцей. Носок на себя. Эдакая «ласточка» гимнастическая, только быстрая. Пятка мощно пробила грудину того, что с носом. Даже вскрикнуть не успел, издал что-то сипло-клокочущее, улетел на середину камеры, брякнув костяшками. Остальные завопили – дружно. Увернувшись от тупого удара, памятуя о том, что бой должен быть скоротечен, Верест рухнул тройце в ноги. Разворот на пятой точке, правая нога винтом вверх, в челюсть низкорослому, обросшему рыжей волосней! Подскок на левой пятке, левая же ладонь опорная в пол – одноглазый отводит колено, чтобы пнуть по виску – мгновенный блок правой голенью, нога агрессора зажата, максимально согнута в колене, считай, ампутирована. Пыхтит, теряя равновесие, короткий толчок – и одноглазый рушится с треском, почти одновременно с гориллой. Кувырок назад – уход от озверевшего горбуна, который, в силу общей необразованности, лезет напролом, трубя, как пароход, машет конечностями. Подскок, прямой вспарывающий, подъем колена – просто уловка, противник бросает руки, ожидая атаки на половые ценности, и рука взрывается, войдя в конфликт с челюстью! Добавки горбуну не требуется – валится, как куль, закатив глазки.

Первый и последний обесточены. Горилла вращает зенками, мечтая о побеге. Кривой постукивает челюстью, собирается взять реванш. Веерные удары – тупая боль и кровь на костяшках кулака. Противник убедительно завален, а комплекс показательных приемов, рассчитанный на максимальный ущерб, наглядно демонстрирует свою полезность. Ох, как здорово, что он не бросил тренировки после первого перелома ключицы...

«Партнеры» в целом неподвижны, но трудно удержать клокочущую энергию. С грохотом отлетает дверь, вносится Варвир. Ухоженное личико трясется от бешенства.

– Взять его!!! – топает ножками.

Куда же деть клокочущую энергию? Резкий поворот, и начальник каталажки отброшен суровой дланью. Валится на усердно пыхтящих солдат, визжит от страха.

«А что я, собственно, творю?» – холодеет Верест.

Последствия уже не за горами.

Обрел он именно то, на что нарвался. Его били долго и тщательно. Привязали к столбу, и вторично поруганный Варвир, сверкая несимметричным румянцем на щеке, задорно охаживал плетью (не зря же висела на стене). Сунули в тухлую водичку, быстренько взбодрили. Поместили голову в какое-то жесткое приспособление, отдаленно смахивающее на жабо, и самозабвенно лупили дубинами по ребрам. Когда приспособление начало трещать и ломаться, развели зажимы и лупили просто так, пока он не поплыл по волнам беспамятства. Периодически оживляли, окатывая водой, снова били, обмениваясь оживленными репликами. Швыряли по железным лестницам, волокли по коридорам, дубася без чувства меры и сострадания...

Он очнулся в какой-то общей камере, где воняло мужским потом, испражнениями. Барак пропитан сыростью, и глиняный пол поглощать ее почему-то не хотел. Живописные личности обретались по соседству. Ввалившиеся глаза, землистые лица. На него не смотрят – кто он такой? Один из многих. Отдубасили до полусмерти, принесли и бросили: событие не сенсационное. Кто-то хлебал из миски, кто-то храпел на нарах, кто-то тупо смотрел в пространство, отключившись от реальности. Ни начальства, ни дюжих вертухаев.

«С новым сроком, приятель», – поздравил себя Верест, погружаясь в пустоту. Проснулся темной ночью со жгучим желанием вылить из себя не только рвоту с кровавой мочой, но и отсортированные внутренности. Сполз на пол, слепо тыкался между нарами, брел по стеночке, покуда не нашел заветное отверстие. Вылил, сбросил всё, что накопилось. Часть души, и та рухнула. Брел обратно, ища на слух свое место: какой-то бедолага в аккурат над ним не только храпел, но и работал языком, без усталости выводя одно и то же: «Фарита... Фарита...».

Наутро кошмары сделались конкретикой: Варвиру надоело выводить пленника на чистую воду, получая то по гениталиям, то по лицу, и он приказал бросить наглеца в барак штрафной команды, занимавшейся раскорчевкой Леса. Того самого – живого и голодного! Их гнали из барака едва проснувшихся – крепкой руганью, дубинами, отстающих безжалостно избивали. Ни водных процедур, ни завтрака. Завтрак, он же обед, он же полдник, еще надо было заслужить. Он шел на автопилоте, один саднящий, глубокий нарыв, понимая отчетливо: упадет – не жить. Добьют. А умирать он, как ни странно, пока не собирался. Умирать – дело нехитрое...

Этапировали под усиленным конвоем – за пределы кутузки. Мимо знакомого забора, мимо дороги, мощеной буро-желтым камнем. Лес почти вплитирку подступал к забору, простирая к людям хищные ветви. Многочисленные команды со всех тюрем Чуги воевали с этой нечистью, применяя наряду с химией плотницкий инструментарий. Взрывники в спецкостюмах минировали участок Леса, подрывая древостой, штрафников пускали после них – разгребать завалы. Мертвые деревья сжигали (живые почему-то сжиганию противились, выделяя из нутра пламегасящую слизь), траву и подлесок изводили химией.

По первости это выглядело, конечно, жутко. Цепочка людей тянулась к фанерной временке – складу. Мешок с едким, вонючим порошком – и вперед, метров триста – до ближайшего завала. Дыша гарью, вывалить мешок на хищную траву, давя попутно шевелящиеся побеги. Разровнять – опять же ногами (какие-то лапти выдали, возможно, даже прочные). Потом – с мешком вниз, к реке, нагрести ободранными руками песка пополам с галькой, снова в гору, дыша хлоркой – рассыпать поверх, разровнять. И назад к сараю... По команде взрывников – падать, где стоишь, а когда осядет участок Леса – снова за работу, изводить ботаническую пакость. Да не щелкать клювом – резво отдергивать ноги от умирающих стеблей. В агонии они тоже опасны.

Первый день он работал, стиснув зубы. Окружающих игнорировал, ловил обрывки фраз и видел лишь траву под ногами, умирающую под ядовитой химией. Пот катил градом – солнце как назло светило, не переставая – мощный оранжевый диск с искрящими протуберанцами. В условиях земной тяжести он бы долго не вытянул – свалился бы на третьем круге. Здесь же полуватерные мешки весили для него килограмм тридцать – не подарок, но терпимо.

Уйдя в работу, протянуть можно. Отключиться, машинально совершать манипуляции, думать о своем...

К вечеру расчистили соток двадцать. Для команды в полсотни эков – результат неплохой. Трое или четверо пострадали – одному обожгло конечности, остальные, зазевавшись, вляпались в стебли, имеющие дурную привычку душить человека и сосать кровь. Их успели отвязать и вынести. Лес не сдавался без боя. История возникновения этой заразы в тыловом Колокусе уходит корнями в начальные этапы войны. Ловя отдельные фразы, Верест делал свои заключения. Споры и микроорганизмы разносило по всему континенту – ветра здесь сильные, порывистые. Как предвестие нашествия уродов с автоматическим оружием – заражение рек, отравление посевов, насаждение агрессивной растительности. Уничтожать их не успевали. Лес быстро рос и отбивался. Стебли кустарников тянулись вширь, вгрызаясь в гумус, становясь корнями – основанием свежего кустарника. Растение развивалось за считанные дни, обрастая новыми стеблями, и уже эти новые стелились по земле, ища уютненькое местечко для будущего потомства. Деревья росли медленнее, размножаясь семенами с шишек, меньше всего похожих на кедровые. Но они не зависели от длины стеблей, и бороться с ними было гораздо труднее. Семена созревали в продолговатых коробочках, растущих свечами. Коробочки набухали, чернели и выстреливали в сторону опушки. Чем не разумное поведение, продиктованное продолжением рода? Хоть парочка, но прорастала, становясь через декаду полновесным деревом с ядовитыми шипами.

Сжав волю, как эспандер, он дождался окончания дня. Дотащился в общей массе до барака, завалился спать. Вонючий ужин проигнорировал. Назавтра стало легче. Мешки не полегчали, но сил прибавилось. Протяженность здешних суток примерно соответствовала земной – с небольшой, возможно, прибавкой, то есть времени на сон хватало. Он начал перебрасываться фразами с работающими по соседству.

Конченных уголовников в бараке почти не было. Обычные люди, по ряду причин зачисленные в штрафники. Кто-то ляпнул лишнее, кто-то в морду не тому съездил, кто-то с властью поругался. Как в любом приличном обществе, отпетые уголовники практически не работали, а «политические», мелкое жулье, воришки, просто случайные люди тащили весь воз непосильного труда. Но и здесь ему посчастливилось вляпаться в драку. Местный кладовщик под хохот бугорка Шлыпения пытался сгрузить на тщедушного парня второй мешок. Им и получил по крысиной роже. Начал прыгать – получил вторично – кулаком. За реваншем не полез – телосложение Вереста отпугнуло. Бугорок тоже не брыкался: идти на толпу не хотелось. Придушат ночью рубашкой – удивляйся потом.

Паренек подошел к нему на кратком «перекуре». Протянул руку.

– Григо. Спасибо, парень. Но напрасно ты это. Узнает Орнель – вони не оберешься.

Лейтенант Орнель был скотиной знатной. Приходил пару раз в день, орал на охранников и уходил, плюясь во все стороны. А кладовщик хоть и мерзость, а птица вольная. Залететь можно – в два счета. А можно и не залететь. Как повезет.

Он поймал себя на мысли, что начинает понимать окружающих.

– Лексус, – представился в ответ. – Не бери в голову, приятель. Мои проблемы.

Разговорились. Григо получил три года отсидки за посыл по адресу окружного клирика, поимевшего виды на его молодую жену. А в «штрафбат» загремел за попытку покурить триш – местный наркотик, нечто вроде гашиша, но неплохо стимулирующий мозговую деятельность.

– Побег хотел обмозговать, – наивно признался Григо. – Не могу сидеть. Как представлю, что этот урод Музер мою Крешу там охаживает – жить не хочется...

Вряд ли этот молоденький женатик был стукачом. А если и был, то какая Вересту разница? Душа выпрашивала общения. Попутно разговорились еще с одним штрафником – неуклюжим высокорослым Кростом. Немногословный, приличный с виду мужик ни к кому не

навязывался. Он сидел за избиение судебных приставов, пришедших описывать за неуплату налогов его трактирчик.

– Славно погудел, – ухмылялся в рыжие усы зэк. Воспоминания о боевом эпизоде условно служили елеем для души. – Платить, ей-богу, нечем. Бражка скисла. Ром гвардейцы выжрали. Последние тулеры на ремонт крыши отдал... Осерчал я, братцы. А тут эти четверо входят. Ну, завел я их наверх. И понеслось... Одному стол вместо жабо на шею, другого с лестницы – пинком, а тех двоих – за шкворник, да лбами хорошенько так, душевно сшиб. И – пенделем с балкона, на площадь у трактира. Обделались служивые, но выжили, там телега с навозом стояла, в нее и вляпались, гы-гы-гы...

Начали держаться стайкой. Стало веселее. К концу дня появился лейтенант Орнель – тучный малый с саблей на боку. Скептически обозрел отвоеванное у Леса пространство, обругал многочисленную охрану, брезгливо коснулся сапогом «удавленника» (пожилой мужик запутался в стеблях, насилу выжил), похмыкал над телами еще двоих (парням не повредило бы переливание крови), и убрался в направлении тюрьмы. Вереста не заложили: Шлыпень с кладовщиком хотели жить, охрана хотела свежих развлечений.

Перед отбоем в барак подкинули шестерых бедолаг взамен выбывших. Затравленно озираясь, сидельцы расползлись по нарам. На новичков никто не смотрел – нечеловеческая усталость делала из людей тупых зомби.

Утро третьего дня на «лесосеке» началось с несчастья. Подорванный саперами участок Леса представлял сплошной завал. Вывернутые корни, стволы вповалку, ошметки кустарников, пятна цветов. Требовался новый взрыв, но куда тогда девать штрафников? Повинуясь рыку охранников, полезли через завал. Тут и навалились на недобитков. Стена живой флоры, страшная в агонии, выросла из ниоткуда. Видно, пряталась, супостать, поджидая человека – в корнях, в сдвигах почвенного слоя. Люди схлынули, но двое не успели. Запутались в паутине стеблей – орали, метались, пытались распутаться, но только больше вязли. Остальные стояли в отдалении и уныло наблюдали за их конвульсиями. Один из бедолаг не удержал равновесия, рухнул в гущу завала. Второму сдавило шею – жутковатым шарфом, растущим с каждой секундой. Глаза вылезли из орбит, он пытался размотаться, но силы таяли. Тело просто пропало под клубком растительной плоти. Хищные жала впились в посиневшее лицо, вгрызлись в кожу, стали втягиваться вовнутрь головы... На этом бедолага и скончался. Но не упал, висел на подвижной массе, покачивался, словно в гамаке, а через минуту стал обезвоженной, обескровленной мумией.

Пришлось вызывать спецкоманду с огнеметом: даже Орнель не решился отправлять штрафников на повторный штурм. Не за людей переживал – за дефицит рабочих рук.

К вечеру поранились еще двое: «еловые» лапы на поверку оказались не такими мертвыми, как виделись. Кисти рук вздулись, побагровели. «Списали» и этих двоих, вдуп под кожу какой-то аналог атропина. Чудом избежал опасности Григо. Ступил в переломанный ветвяк, и не швырни его Крост толчком пониже пояса, «списали» бы и его: под ветвями, точно гадюки, копошились живые отростки. Верест опорожнил на них мешок с вонючим порошком: проняло...

После абсолютно несъедобного ужина в барак ввалилось новое пополнение. Кто-то лохматый с криком радости бросился к Вересту, принялся ужимничать, бить его в плечо, как закадычного товарища.

– Джембо? – растерялся он. – А тебя каким ветром сюда надуло?

Неужели и здесь стучать будет? Ай да Варвир...

– Горел я нетерпением с тобой встретиться, Лексус, – оскалил пасть Джембо. – Нравишься ты мне. А если серьезно, то не знаю. Вытрясли всех из камеры – и к вам.

– Ага, не смешите меня, – пробормотал Крост. – Знаю я этого пострела. Из-за него вонючку Брукки в гладильню замели. Там его и сплющило, беднягу. Этот гад донес Варвиру,

что вонючка спровадил в канализацию Хибер-хохотунчика, и даже рассказал, где тот кислоту достал. Чего хлопалки таращишь? Не так было?

«Гладильней» называлась камера со съезжающимися стенами – говорят, любимое развлечение Варвира, особенно на сон грядущий.

«Ну, не подведи, дружище Брут», – думал Верест, с интересом наблюдая за стукачом. Будет выпутываться, или сознается?

Пройдоха выбрал верный путь. Даже не смутился.

– А что, Кроет, вонючка Брукки не сливал в канализацию хохотунчика? Не добавлял в бочку кислоту, не помешивал, не приговаривал, что для хорошего человека ему добра не жалко?

– Да ладно вам, – оторвал ладони от лица Григо. – Тайна, известная всем – не тайна. В этом бараке он безвреден. Пусть чавкало закроет и спит. Все мы – покойники. Кто завтра, кто через неделю. Или инвалиды без рук, без ног. Но по мне, братцы, уж лучше мертвецом, чем всю жизнь калекой в тюрьме.

Возня в бараке уже затихла, когда над ним склонился заключенный по имени Вак и предложил отойти в сторонку.

Они уединились недалеко от отхожей ямы – не фруктовый сад, конечно, но единственное местечко, временами обеспечивающее приватность.

– Лексус, признайся честно, ты не хочешь подохнуть? – прошептал Вак, обрисовываясь во мгле плечистым силуэтом.

Двух ответов здесь не было, завернуть кеды – не самая заветная человеческая мечта, но Верест не спешил отвечать.

Наедине с Ваком он не общался, но издали тот производил впечатление человека серьезного, не лишённого основательности. Коренастый крепыш с правильным лицом. Лишних слов не говорит, вечно хмур, и ни разу не пожаловался на тяжкую долю. За что сидел? А Бог его ведаёт...

– Нет, – покачал он головой. – Открою тебе тайну, Вак, – не хочу подохнуть.

– Мы уходим в побег, – совсем понизил голос Вак. – Я, Ховар и еще семеро. Будем пробиваться через охрану. Пойдешь с нами?

Верест насторожился.

– Каким образом? Когда?

– Завтра. Орнель придет в первой половине дня. Потопчется, поорет и отвалит. Охрана по такому случаю расслабится – она всегда расслабляется. Главное, не упустить момент. Мне кажется, ты нужный парень: кулаками работать умеешь, головой не только жрёшь... Охраны человек двенадцать. Корчевать будем на четвертом участке – туда тянули мины. В этом месте река дает изгиб, участок мелкий, перебежим вброд. За рекой лес... но не этот, бесноватый, обычный лес. Ховар знает тропы, прорвемся. А дальше горы – кто нас найдет в горах?

– А охрану? С собой возьмем?

– По сигналу нападём. Ты берешь двоих, я двоих. С остальными ребята разберутся. Хватаем оружие – и привет.

– Подожди, – Верест с сомнением покачал головой. – Так просто не получится. Народ потянется за нами. Будут жертвы.

– Их будет больше, если мы останемся. Все подохнем. Соглашайся. Возьмешь своих ребят – Кроста-рыжего и этого... задохлика. Только Джембо ни слова: узнает – сразу побежит закладывать. Договорились?

«О Джембо слава гуляет по всей тюрьме, – умилился Верест. – И какая, к черту, отдача от информатора, которого все чураются?»

– Согласен, – решил он. Двум смертям не бывать. Уж лучше скорая кончина с надеждой в голове, чем медленная и в беспросветном удушье.

– Отлично, – кивнул Вак. – Ты сразу мне понравился, Лексус. Как уйдет Орнель, следи за руками – подам сигнал. А сейчас, давай – по постелькам. Выспаться надо.

У нар его поджидал сюрприз. Неопознанный спящий объект лежал практически под нарами, издавая тонкое посапывание. Охранял. Вместо верной сторожевой собаки. Верест почувствовал, как просыпается совесть, позевывая и потягиваясь. Ну, конечно, Джембо не нашел или не захотел свободной полки и теперь усиленно намекает, что преданней дворняжки нету существа. Ведь не поддельной же была его радость, когда он ввалился в барак.

Неужто душой признал хозяина?

Сигнал простой, как икота – взмах руки. Десять заключенных схлынули с завала. Охрана замешкалась. Верест не стал изобретать велосипед – врезал жлобу по дыне ополовиненным мешком. Двадцать пять кило химии, помноженное на земное «жэ», деленное на местное. Жлоба слегка прогнуло. Далее орудовал прикладом в челюсть, пяткой в живот. Стоим, качаясь? Снова в челюсть. Приятных снов, чтоб ты не проснулся! Товарищам на подмогу. Ховар – здоровенный мужичара с бычьей шеей – бодался с таким же. Глаза налиты, на висках жилы рвутся, каждый тянет на себя и остается при своем... Он врубил по хребту охранника прикладом. Мало? Добавим. Ховар поблагодарил глазами. Схватка превращалась в заурядную мордобойню. Огонь из отобранного оружия не открывали: били руками, ногами, прикладами. Беспощадно вколачивали охрану в траву, сокрушая кости.

– Хватит! К реке! – гаркнул Вак.

Понеслись с горки, как на санках. Толпа, не участвовавшая в побоище, очнулась, рванулась следом. Пологая поляна, обрывчик, пляж, река, за рекой густые заросли... Он мог бы обогнать их всех, первым выскочить на обрыв и сигануть в реку. Но что-то тормозило Вереста. В прошлой жизни это называлось интуицией. Как называется в нынешней, когда обстановка не чета той, а сознание с подсознанием затравленно помалкивают, он не знал. Непроизвольно сбросив скорость, он слился с серой массой.

Вак и Ховар первыми вырвались на обрыв. И попадали, изрешеченные пулями. Остальные по инерции выскочили туда же, завопив от отчаяния. У берега покачивался катер с хитроумной турелью на борту. Агрегат на турели, очевидно, считался крупнокалиберным пулеметом. По крайней мере, калибр ствола вызывал тревогу. Человек восемь прильнули к борту, выставив автоматы. Пулемет выпустил трескучую очередь – такое ощущение, что работает скорострельное малогабаритное орудие. Засвистело над головами. Толпа схлынула. Давка, толчея – люди отталкивали друг друга, топтали оступившихся.

– Влипли, – ахнул Крост. – Чужало мое сердце...

Бежать во фланг не имело смысла. Цепи из людей в балахонах уже оккупировали ближайшие высоты. Свободной оставалась лишь обратная дорога, к завалу.

– Сдали нас, – чуть не плача, бормотал Григо. – Кто-то знал и настучал Орнелю. Развlechься решил, скотина... Это ты, ублюдок! – с визгом он схватил за шиворот крутящегося по радиусу Джембо.

– Это не я! – возмущенно заорал «узник совести». – Я не знал! Как я мог!!!

– А ну, хватит! – зарычал Верест. – Бросайте автоматы, сливайтесь с толпой. Вы ничего не знаете. Все побежали, и мы побежали...

Раздался голос, усиленный рупором:

– Вас ждут в пенатах, господа! Оставшиеся на месте будут расстреляны немедленно!

«А остальные – позже», – тоскливо подумал Верест.

К чести (или к лени) Варвира, он не стал выявлять зачинщиков. А может, знал от стукача, что зачинщики мертвы. Но наказание выдумал изощренное. Штрафников выстроили широким кольцом – лицом в центр. Охранники – внутри и снаружи, готовые стрелять на любое шевеление. Варвир с Орнелем ходили по малой окружности. Орнель с автоматом, Варвир – постукивая стеклом по ладошке. Понятно, ничего доброго на их физиономиях не читалось. Орнель пыхтел и пыжился, Варвир изводил народ ехидной улыбочкой. Вглядывался в лица, таинственно молчал.

Наконец остановился.

– Отниму еще немного вашего времени, господа. Нет возражений? Прекрасно. Закончим, и продолжите работу. Вы совершили ужасную, непоправимую ошибку. Все со мной согласятся? Трое охранников травмированы, пятеро покалечены, трое погибли. Работа стоит. Это очень огорчительно, господа. Придется на часок задержаться – отработать. А теперь рассмотрим ваше поведение. Вы будете первым, вам повезло, – он ткнул стеклом в плешивого мужичонку с окладистой бородой.

Мужичонка затрясся. Хотел что-то вымолвить, но рот не разжался.

– А вы будете вторым, – отправился дальше Варвир. И этот бедолага задрожал под его взглядом.

Еще двое. Эмоции на лицах – фонтаном.

– А вы пятый. Мои поздравления.

Молодой парнишка закусил губу. До последней минуты он так ничего и не понял. Возможно, к лучшему. Орнель поднял автомат. Производить оружие небольшого калибра в Колокусе, видно, не научились. Очередь разбила череп, как горшок – на осколки. Несчастный рухнул.

По кольцу пронесся гул. Строй качнулся.

– Стоять! – рывкнул Орнель. – Кто двинется – тот покойник!

Следующий несчастный оказался сообразительнее. Побелел, как бумага, залился потом. Волновался не напрасно: череп раскололся с кошмарным хрустом, кровь и мозг заляпали окружающих. Варвир поморщился.

– Прекрати, Орнель. Стреляй в сердце.

Третий «пятый» оказался безжильным. Зарыдал, рухнув на колени. Простер руки к палачу, как в последней молитве.

– Не надо, я прошу... Я не хочу, мне нельзя...

Дурь ударила в голову. Он вскочил – бежать, спастись. Сделал прыжок и упал, возопя, разрезанный поперек спины.

– Братцы, я на очереди... – могильно вымолвил Крост. – Ну, бывайте, увидимся...

– Подожди, – растерялся Григо. Верест скрипнул зубами. Матюкнулся шепотом, по-русски. Но куда нагнать? Варвиру ничто не мешает досчитать до шести.

Снова очередь. словно самому разрезало грудь. Долговязый Крост рухнул плашмя, разбросав руки.

Свысока оглядев притихшую троицу (Григо, Вереста и Джембо), Варвир отправился дальше. Очередь. Опять кто-то вывалился из строя...

– Пронесло... – выдохнул Джембо.

Как в анекдоте – «Тебя бы так пронесло...»

– За что?! Стойте! – взвизгнул очередной страдалец. – Господин Варвир! Это же я вам сообщил о побеге, вспомните! Вы ошиблись, господин Варвир!

Строй заволновался. Люди закрутили головами, вытянули шеи. Предатель пораженно раздувал ноздри, не веря своим глазам. Парализовало не на шутку – такого вероломства от властей мерзавец не ожидал.

– Вы не можете так поступить, господин Варвир! Я вам пригожусь!

– Прости, дружок, – с улыбочкой сожаления произнес Варвир. – Но куда я тебя дену? Ты сам сюда встал.

– Умри, вонючий саддах! – взревела толпа.

За смертью в этом мире долго не стояли. Предатель свалился, как столб, дрыгнув напоследок обезьяньими конечностями.

– Ну вот, братцы, – шмыгнул носом сосед, который слева. – Кто сказал, что старина Джембо фуфло задувал?

– Прости, коллега, – пробормотал Верест. – Обознались...

Он часто думал о побеге. Не о таком примитивном и бездарном, а качественном – чтобы навсегда. Но чисто академически – подумал, перестал. Ну, сбежит. И куда он такой? В незнакомом мире, изобилующем неприятностями, как бродячая псина – блохами. Какие шансы благополучно пройти три квартала у человека, не знающего, что такое автомобили, уличное движение, светофоры?

Он ловко научился управляться с Лесом. На глазок умел определять, куда ступить, чтобы не вляпаться в кроважный куст, как правильно распилить «сатанинский кедр», не получив ядовитую струю в глаз, как прислониться к дождевому дереву и не заработать воспаления кожи. Научился избегать спонтанные фейерверки спор, отгонять немногочисленную пока живность, изредка навещающуюся из глубин Леса: стайных кротов, чьи укусы заживают долго, вызывая интересные последствия – от бешенства до функциональной импотенции; лисью крысу, имеющую очаровательный гипнотический взгляд; птичьего хорька – создания, в принципе, безобидного, но способного навести жуть...

Приходили неприятные известия. О частичной мобилизации населения на укрепрайоны вдоль западной границы, о прорыве нечисти под Карбадом – в Вергилии (а уж коли прорвало, то и водородная бомба не поможет), о тревожной активности в Лесу...

Последнее пугало особенно. От охранников просочилась информация (а двое новичков из общего блока ее подтвердили) о нападениях под Бишло и Каргатом. Тамошние подразделения заключенных и вольнонаемных занимались раскорчевкой, когда подверглись атаке нечисти. Стая созданий из ночных кошмаров вырвалась из Леса: двуногие, четвероногие, скачущие, летящие... Убивать их одно удовольствие, но при условии, если успеешь поднять автомат: они несутся с чудовищной скоростью, сжирают жертву и так же внезапно исчезают. Причем, слава Богу (или кто тут за него), за границы ареала не выходят (взорванный участок Леса продолжает, видимо, оставаться Лесом) – либо не умеют, либо приказа наступать не получили.

У Каргата их вовремя заметили: охрана открыла ураганный огонь и вбила тварей обратно в чашу. А вот под Бишло возникли проблемы – недоглядели за нежитью. Уцелевшие трясли губами, заикались и долго не могли родить полезных сведений. А потом вразнобой заявили: услышал шум – рви в сторону и как можно дальше, тогда не сожрут. Вся нежить в налете стремится только вперед – свойство у нее такое, наступательное...

Избавление пришло, откуда не ждали. Ротация «кадров» происходила чуть ли не каждый вечер. Джембо с Григо держались Вереста – возможно, потому и сохранили здоровье. Отряд обновился на две трети. Прислали нового бригадира, взамен выбывшего по причине утери обоих глаз Шлыпеня. Новоприбывшего звали Баур – мужик из вольных, незлобный, конкретный, презирающий любое начальство. Он заставил охрану подобреть, то есть больше следить за Лесом, и даже выбил в качестве «успокоителя» митральезу с чудовищной рукояткой, которая теперь постоянно стояла нацеленной в лесную чашу.

В этот день просквозило сообщение – из Генерального штаба спасения едет ознакомительная комиссия – посмотреть, как движется раскорчевка. Варвир решил прогнуться перед начальством.

– Задница, – угрюмо прокомментировал известие Баур. – Какого хрена? Лес как был, так и есть. Считай, задаром грохнутый день – будем показухой страдать.

И точно. От ядовитого стебля избавились в дообеденное время – незачем картину портить. Оставили самое безобидное. Когда появился кортеж, работа кипела, как вода в чайнике. Очень кстати под руку попало дождевое дерево – идеальный объект для показухи. Безопасное, если вовремя соскрести споры, не дожидаясь воспаления кожи, и мощное, как столетний дуб. Как правило, взрывчатка такое не берет. Верест с Григо, давно сработавшись, взялись за пилу. Джембо и бывший наемник Лерон крушили топориками уцелевший у его подножия кустарник, который заранее присыпали химией. Толку никакого, зато шум и бешеная активность. Остальные таскали гальку, охрана изображала бдительность. Бригадир не забывал покрикивать глупости вроде: «Держи пилу ровнее!», «Куда ты сыпешь?!», «Дави гадину!» Давить, кроме подъехавшего начальства, было некого – нечисть давно сбежала от греха подальше, услышав моторы и голоса гостей.

За бронированным утюгом тащился еще один, за вторым – вполне приличный лимузин получше утюга, но похуже довоенной «эмки». Замыкал колонну тоже утюг, но грузовой. Краем глаза Верест наблюдал, как сгружались люди. Военные в бордовых кафтанах (до камуфляжа в этом мире как-то не додумались), штатские. Сытые начальственные рожи, журналюги с перьями, местные шишки во главе с Варвиром, мастера, распорядители работ. Центром внимания был худой старик с мрачным лицом – в полувоенном френче с потертым шитьем на карманах. Важного гостя сопровождала девица – в широком галифе и шапочке, скрывающей прическу. Женщин в этом мире Верест видел впервые. Аж пила в руке дрогнула. Но получить эстетическое удовольствие не дали.

– Не отвлекаться! – заорал Баур, делая страшное лицо.

Пришлось с душой уйти в работу – подводить «бугра» не хотелось. Пилили долго, но легко – и рухнуло дерево классно, осыпав присутствующих дождем спор. Баур пробурчал: «Пусть почешутся», а Лерон выпнул на видное место несвежий трупик птичьего хорька – создания в мертвом виде вполне мирного.

«Обыкновенный бардак, – думал Лексус, берясь за рукоять топорика. – На складе последние мешки хлорки. Для кого работаем?»

Порубленный в капусту кустарник через день заколосится, а споры дождь-дерева разлетятся по опушке, дав жизнь новым саженцам – бесполезным для людей (древесина никуда не годна), но зачем-то нужным нечисти. Участок придется чистить заново, что, в принципе, штрафникам глубоко до фени, а визитеры все равно ни черта не поймут. У них плановая поездка по «освобожденным районам». «Освобожденными» на языке чинуш, как просветил Баур, именовались территории, куда всякая ботаническая дрянь уже пролезла, а отряды нечисти – запаздывают.

Начальство любовалось слаженной работой, свита лебезила, девица с интересом крутила мордашкой, журналюги строчили перьями. Штрафники работали – осточертело им повышенное внимание. Исправляться надо, становиться полноценными защитниками страны – кажется, так ежеутренне гундел в динамик Варвир?

Старик с девицей подошли поближе. Неотступно за ним – двое в бордовом. Старик сделал знак клевретам – без вас. Вероятно, хотел переговорить с Бауром. Верест демонстративно отвернулся – у барышни была неплохая человеческая мордашка. Куда ему податься, если в штанах зреет малая сексуальная революция?

– Ложись! – заорал неожиданно бригадир.

Верест упал и только потом сообразил, что Баур, ухитрившийся, если верить байкам, год прожить на войне в Вергилии, и еще полгода в Лесу, зря орать не станет. Вывернул голову, стараясь не подниматься.

Как в фильме со спецэффектами: небо черное от птиц, свист ветра, пригибающего к земле деревья, ворох травы по ветру...

Баур намерен просвещал: рано или поздно начнется. Локальные атаки по всему матерiku – как дополнение к прорыву в Вергилии. Если налет – повезло. Отлежаться, и в нужный момент рвануть в сторону от шума. Если нашествие – хоть беги, хоть лежи, все равно сожрут.

– Бегом! – заорал бригадир. – За мной!

Верест вскочил, как от шила в ягодицу. Среди деревьев мелькали тени нападавших. Черная стая. Отдельных особей не разобрать. Кто бежит, кто по воздуху летит. Крылья, челюсти, «куриные» ножки с жуткими когтями – мельтешат, как в бешено вертящемся калейдоскопе... Авангард. Главное – уйти с дороги, в темпе. Баур рванул влево, Верест – за ним. Столкнулся с девицей, покатился по земле. Где-то застучала митральеза – прочухались. Не поздно ли?

– Помогите, пожалуйста, – взмолилась девица. Ногу защемила. Он просто схватил ее на руки вместе с корягой в ноге – та отвалилась, слава Богу. Девица легкая, как перышко – чего там тащить? Забросил за спину, обнял ноги. Ходу, резвые.

– Амира!

– Папа!

Боковым зрением успел отметить, что Григо тянет за руку старика, Джембо там же вьется. Баур машет и страстно ругается. Бежали со всех ног. Еще трое ринулись следом – двое в бордовом и Лерон. Остальные не успели – работали в стороне, на пути нечисти... Бордовые – отличные мишени, но пусть бегут, люди же. На бегу он оглянулся. Один из бордовых замешкался. То ли оступись, то ли оторопь взяла. Поднял автомат, начал отбиваться лающими очередями. Дурак, тут только напалм поможет! От потока нападающих отделился ручеек, зазмеился, поглотил стрелка – прочавкался, потек далее...

Бежали долго, без оглядки. С горки, вдоль реки, на ту сторону, опять вдоль. Пока бригадир не гавкнул:

– Стой!

Уцелели семеро. Верест с Бауром, старик, девица, Джембо, Григо, один из бордовых – на парня жалко было смотреть: икал, заикался, физиономия уже не свинцовая, а расцветенная всеми цветами. Но автомат не выронил, умница. Лерон куда-то сгинул.

– М-мамочка, какой ужас... – перебирая руками, девица сползла с Вереста и скрючилась улиткой на песке.

– Амира, доченька... – старик уселся рядом, обнял ее за плечи. Молодец, старикашка. Спортсмен. И вид предельно благородный.

– Неужто живые? – простучал зубами Джембо. Григо не смог даже простучать – его трясло, как бывалого эпилептика.

– К лагерю не пройти – там поток, – Баур утер рукавом пот со лба. – Где эти твари – неизвестно. На северо-востоке гарнизон – будем пробираться. Повезет – встретим патруль.

Старик поднялся, протянул Вересту руку.

– Спасибо вам за дочь. Вы вели себя благородно. Я не забуду.

Правильно, ни одно доброе дело не останется безнаказанным.

Пожимая сухую ладонь, он поймал украдкой взгляд девицы. Потрясение прошло, она тарасилась на него с любопытством.

«Неплохой шанс уйти в бега, – подумал Верест. – Выбить у бордового автомат, все равно стрелять не умеет, и с парнями – на склон. Или без парней – проживу ли я один?..»

Он встретился глазами с Григо – парня, похоже, обурежала схожая крамола.

Баур по долгу службы был неплохим физиономистом.

– Но-но, – забурчал он, вырвал у бордового чудовищную конструкцию а ля ППШ, наставил ее на штрафников. – Только без вредных замашек, друзья. Мне плевать, где вы будете

бегать – по воле, по камере, но мои дети, к сожалению, хотят кушать, несчастные крошки... Да не крысься ты, Лексус, держись за меня – не пропадешь. И вы, парни, тоже. Я своих не обижаю. Господин Заурус, вы можете идти?

Через пару криллов их подобрал армейский патруль. Вытянулся во фронт перед важным стариком и побежал исполнять пожелания. Спустя час, дребезжащий в парах солярки рыдван высадил старика с дочерью у штаба Южного округа (девица на прощание одарила Вереста многообещающим взглядом), а штрафников повез в тюрьму. Каталажка не пострадала. Нечисть остановили огнеметами – в отличие от жаростойкого Леса она горит легко и охотно. Но паника воцарилась нешуточная. Срочно вызвали колдунов из Управления по борьбе с демонизмом – теперь эти молодцы в шутовских нарядах под защитой огнеметов бродили по опушке и дружно чесали репы. Привели в готовность армию, населению проехали по ушам. Понеслись грозные приказы – невиданное дело, не где-нибудь, а практически в столице – в трех крилла от казенных учреждений и дворца монарха – объявилась Нечисть!

На фоне бардака уцелевшие штрафники бродили по пустому барaku, не находя успокоения. От команды в пятьдесят человек уцелели трое. Погибла охрана, журналисты, «государевы» люди. От людей остались обсосанные косточки. Уцелел, к сожалению, Варвир. Пятерым – ему, распределителю работ и чинушам из Генштаба, удалось укрыться в броневике, где они и отсидели лихое время, давась ужасом.

На второй день томления в барак промаршировали трое с каменными лицами. Верест дремал, Джембо с Григо играли в кости на шелбаны. Выступивший вперед развернул короткий свиток с тисненым узором, откашлялся и уныло забубнил:

– Дешеша. Директорат Штаба спасения – коменданту исправительного учреждения 37-43. Предлагается амнистировать воспитуемых Лексуса, Джембо, Григо за особые заслуги перед Королевством. Бригадира Баура повысить в разряд сотника. Сержанта Фриджо наградить медалью Белого Гимантуса и предоставить пятидневный отпуск без выезда на родину. По выполнении доложить. Содержание депеши довести до всех упомянутых. Главный инспектор Штаба спасения эверс-генерал Заурус Трот.

Скрутив скрипучий свиток, «глашатай» развернулся и вышел из казармы. Двое отправились за ним. Остался Баур, он стоял у двери в позе проститутки – пяткой в стену. Оглядел парализованные фигуры, ухмыльнулся в седые усы.

– Эффектно, да? Есть и окончание телеграммы. Примерно такое: «Коменданту исправительного учреждения 37-43. Подготовиться к приему комиссии Штаба спасения и Церкви для выяснения вопроса: почему учреждение 37-43 сочло возможным приезд ознакомительной комиссии не дожидаясь окончательной очистки подопечного района и не интересуясь состоянием оборонительных рубежей». Неплохо, да? Плакала головушка нашего Варвира, ох, плакала... – весьма довольный собой и временем, в котором живет, Баур сочно гоготнул. – Ну что, городские бродяги, выходи строиться...

Верест шумно перевел дыхание. Ну и жизнь. Сплошные пертурбации с метаморфозами.

Григо на попутной телеге потрясся к женушке, от алчущего дружбы Джембо Верест открутился – мол, надо будет, найду, и не ходи за мной хвостиком. А про себя перекрестился: свят-свят...

Две ночи он провел под мостом через Даман, днями шлялся по городу, присматриваясь к здешней жизни. От собственной, гражданской одежды не уцелело ничего, все конфисковал Варвир. Спасибо старине Бауру – подсутился, раздобыл кое-что. Штаны – плотные, с карманами, сапожки из грубой кожи. Деньгами, правда, не помог. Руками развел – прости, приятель, на мели. Да и стыдно было просить. От добра, добра не ищут.

Воровать Александр не умел, канючить тоже. Полдня болтался по улицам, таращась на вывески.

Чуга напоминала Старый город Таллинна, но в несколько раз больше. Брусчатка в трещинах, шпили, невысокие домишки с окнами любых конфигураций и очертаний. Диковинная смесь классицизма и готики, выраженная в игольчатых вертикалях и неохватных колоннах. Кабачки, трактиры, узкие улочки. Многочисленные подворотни с мусорками. Машин совсем мало – только изредка броневики патрулей, да продолговатые коробочки госслужащих. Основной транспорт – телеги, скрипучие экипажи, запряженные унылыми клячами (всё здоровое и молодое пускалось на нужды обороны). Очень много церквей – приземистых ротонд со сферическими куполами. И священников – в синих и серых балахонах.

Наиболее популярной на континенте религией считался культ Эрмаса с простой, как обрезание, этикой: не убей, не воруй, не нарушай порядок, обожай «моего наместника», то бишь короля; а антирелигией – культ Рема – местного Дьявола.

Публика разношерстная: от бродяг в подворотнях – в хламидах, с сочащимися гноем глазами, до вполне респектабельных леди и джентльменов, предпочитающих прогуливаться по центральным улицам. Дамы – в чепчиках, мужчины – в шляпах, напоминающих тирольские. Районы побогаче, районы победнее. Вблизи моста через Даман гудел центральный порт. Нечто среднее между шхуной и пароходом с распахнутым трюмом стояло под разгрузкой. Он спустился к причалу – полюбопытствовать, не нужны ли грузчики, но был осмеян и с позором выставлен из толпы.

– Угомонись, дружище, здесь с ночи приходят, – охотно поведал бродяга с дыркой в щеке, наслаждающийся винными парами из дверей портового кабачка. – Из сотни желающих берут от силы пятерых. Но тебя не возьмут – уж больно рожа твоя неприятна. Не любят здесь чужаков. Да на кой ляд тебе это нужно, парень? День разгрузки – четыре тулера на нос – восемь кружек пива. Хавло не хватит залить...

Ночь он провел, как и полагается бродяге, под мостом. В опорах между фермами обнаружились чудовищные диагональные трещины, в одну из которых он и забрался. Завернулся в кусок мешковины, утянутый от ворот портового склада, и долго лежал, таращась на гигантскую ядовитую луну. Вспоминал Веронику, обожающую обставленный свечами секс, мерзкое пиво родного города. Сигарету после утреннего кофе. В этом мире – ни того, ни другого, поневоле отвыкнешь... В тюрьме у него не было времени задуматься о своей роли в этом мире – уставал сильно. И засыпал быстро. А теперь вот схватило сердечко...

Хоть в воду бросайся. Уговорив себя, что точку в этом деле ставить рано, а многоточие вполне уместно, он уснул. Утром выдавился из трещины, дрожа от холода, сполоснулся на бережку и опять поднялся в город. Стоило признаться, что по некоторым аспектам тюрьма была лучше. Там, по крайней мере, делали вид, будто кормят.

Он отправился против течения, на северо-восточную оконечность города. Еще Баур советовал прошвырнуться по тому району – на предмет заработать копеечку. В понятии бригадира, вполне нормальный район. «Курятники» с неприличным множеством сексапильных девочек, увеселительные заведения, игровые точки. Патрули – явление нечастое. Не Бродвей, конечно, но и не трущобы северо-западного района Бельперен, чреватые ножом в спину. Ни малин, ни чудильников. Могут, правда, рыло начистить, но это дело рядовое, у самого имеются руки, чтобы отбиться.

Верест брел по улице с каким-то странным названием – «улица Глюка-Освободителя», и откровенно умирал от голода. Здания здесь были в основном деревянные, с вычурными фасадами. Хозяйчики заведений как будто соревновались между собой – чей фасадик перещеголяет. У одних реклама цвела во все ворота, другие украшали фронтоны барельефами или даже скульптурными композициями, изображавшими химер или пугающих василисков.

В первом заведении – «У толстяка Краха» – на предложение поработать полотером, официантом, посудомойкой или специалистом по удалению незваных гостей ответили решительным отказом. В следующем попросили документы. На вопрос, устроит ли их справка из тюрьмы, в ужасе показали на дверь. На постоялом дворе чопорная хозяйка в платье школьной ученицы и с физиономией Бастинды проявила задумчивость. Затем призналась, что упомянутые рабочие профессии уже заняты, но нужно почистить отхожее место. Работы часа на три, вознаграждение достойное – целый тулер. То есть две кружки пива. Верест также проявил задумчивость. Покачал головой, буркнул мегере в глаза: «Ваше предложение убогое, мэм», и вышел на булыжную мостовую.

Из украшенной аранжировочной зеленью витрины бордельчика явилась зрелая мадам с акульным прикусом. Чарующе поманила пальчиком. Верест сконфуженно покачал головой – мол, горячо бы «за», да зарплату вновь задерживают. Провожаемый взглядом сожаления, побрел прочь.

В кабачке с уютным названием «Под липами» его поджидал успех. Не оглушительный, но тем не менее. В дубовом зале за истертой локтями стойкой пребывал хозяин заведения – плешивый колобок в льняной косоворотке. Он с тоской глядел на единственного в этот час посетителя. Клиент, похоже, пару минут назад прекратил буяннить. Стол у окна был перевернут, стул вдребезги. На полу осколки посуды. Сам детина в безобразно пьяном виде восседал за столом, соловело паялся в пространство и издавал отрывистые звуки. На столе возвышалась практически пустая бутылка зеленоватого стекла. Местный некачественный ром (равно как и спирт, выгнанный из тростника) доведет не только до греха.

«Тип сомнительного поведения, – сделал черновой прикид Верест. – Таких немало в любом мире, вплоть до загробного».

Верест подошел к стойке, повторил заученный текст. Пункт об удалении нежелательных гостей хозяина заинтересовал. Он смерил посетителя печальным взглядом с пояса до вихров, почесал покатым лбом.

– Видишь Рыжего Морта?

– Вижу, – согласился Верест. – Славное имечко.

На языке форзах, познаваемом им по мере ассимиляции в этот мир, данное словечко означало нечто промежуточное между «больной» и «покойный».

– Сделай так, чтобы больше я его не видел. Получишь тулер.

Верест помялся. Вот чего он ненавидел больше всего – так это торговаться.

– Плохой клиент?

– Скверный, – кивнул хозяин, промокая платком потные виски. – Плавал на бриге «Барракуда», слышал о таком? Команда – отъявленные головорезы, но и те не выдержали. Списали козла. Теперь приходит каждое утро, когда посетителей нет, надирается в хлам и буянит. Вот тянет его к моему заведению. А мне это на пользу?

– Ну, хорошо, – прикинул одно к другому Верест. – Отошью я твоего любимчика. Получу тулер. Поем. Но где гарантия, что он не придет завтра?

Колобок пожал плечами.

– Думай. Приходи завтра к закрытию. Если скажу, что Рыжий Морт не появлялся, получишь еще тулер. И так неделю.

Заманчивое предложение. Решение напрашивалось автоматически: избавить общество от пропитого моряка НАВСЕГДА. Грохнуть, зарыть на свалке – и голова не боли. Приходи неделю, да коси бабки.

Рыжий Морт словно почувствовал, что дела его так себе. Заворочался, завращал осоловелыми глазами.

– Ну, вы, фархан вам в душу... – прохрипел и начал медленно подниматься.

– Сейчас стул ломает, – скорбно заметил колобок. – Стойку проломит, бутылки расколоматит. Мне по харе надаёт.

– Куда дверь? – кивнул Верест.

– Во двор. Там мусорка, бочки, пустая тара. О, святой Эрмас...

– Отлично, – Верест двинулся на середину зала, взял клиента за плечо и развернул. – Ну, пошли, братан, перевоспитываться будем.

– Эй, ты, салажати́на! – зарычал моряк. Рожа, конечно, караул. Горилла, обросшая седыми сосульками. Почитай, за центнер брутто. Но с учетом силы тяжести – килограммов семьдесят. Детский вес. Не дожидаясь, пока моряк раскрутит кулачищи, Верест взял его за грудки, швырнул в нужное русло. Своротив стул, громила рухнул под порогом. Верест следовал неотступно. Снова за грудки, рывок, вздернул, швырнул в проем. Пьяница пролетел узкий коридор и выпал на улицу, хлопнувшись хребтиной о решетку для ног. Взревел от боли:

– Убью, щенок!

Опять не успел подняться – взмыл, шорканул ногами по порогу. Двор закрытый. Закулисье трактирное – с трех сторон заборы, узкий проход на улицу. Помойка, пустая, сбита из досок тара, тележка для удаления мусора. С диким ревом пьянчужка влетел в груды ящиков. Заворошился, завозил ногами. Найдя точку опоры, Верест поднял его, снова бросил. И так неоднократно, пока рев из луженой глотки не начал угасать в хрип. Он потащил его к бочке с дождевой водой, погрузил по шею. Идеальный вытрезвитель, между прочим. Менты в родном государстве прилежно исполняют лишь начальную стадию процедуры, связанную с побоями. До бочки с дождевой водой пока не додумались.

Он терпеливо дождался, пока Рыжий Морт превратится в половую тряпку. Иначе говоря, созреет для беседы. Прижал забулдыгу к стене и заговорил душевно – так доходчивее:

– Послушай, Рыжая морда. Не ходи больше в трактир «Под липами», хорошо? Это не мне надо, это тебе надо. Заведение с сегодняшнего дня под охраной серьезных ребят. Если придешь, тебя убьют. Приведешь дружков – убьют и их, Рыжий Морт. Ходи в другой трактир, договорились?

Пьянчужка просипел, стремительно синей:

– Отпусти, хорошо...

– Давай повторим, не спеши. Итак, ты приходишь в кабачок «Под липами». Что происходит?

– Меня убьют...

– Умничка, – похвалил Верест. – Ты схватываешь на лету. Ну, будь здоров, Рыжий Морт. И держись от меня подальше.

На прощание он отвесил визави увесистого пенделя. Посмотрел, как тот убегает, и вернулся «под липы».

– Держи, – протянул трактирщик желтоватую монетку размером с отечественный пятак. Реверс монеты изображал какого-то ответственного товарища с распухшим носом, аверс – гордую птицу с тремя лапами. – Ты молодец, парень, я всё слышал.

– Пива большую налей, – попросил Верест. – И для желудка что-нибудь. Хватит на тулерию?

– В момент, – разулыбался колобок.

Пиво было мутное, густое, невыносимо вкусное. Свиная конечность в меру прожарена, сдобрена чесночком, а картошка лучилась золотистой корочкой.

– Жри, парень, – пожелал приятного аппетита трактирщик. – В труде и еде греха нет.

Вот и соприкоснулась душа с маленьким праздником. Он выпил за ускорение свободного падения, за Родину, за удачу. Проглотил обед и допил пиво маленькими глоточками. В голове приятно зашуршало.

– Меня зовут Хорог, – представился хозяин. – А это жена моя – Тао.

Улыбчивая толстушка в многослойных юбках занималась протиркой стола. Услыхав свое имя, добродушно кивнула.

– Есть еще дочь, – пожевав губами, добавил Хорог. – Но это тебе не интересно, правда?

– Ничуть, – подтвердил Верест, вытер губы плотной салфеткой и поднялся. – Спасибо, хозяин, ублажил. Зови меня Лексусом. Не из местных я.

– Ты заходи завтра, заходи, – слащаво улыбнулся колобок.

День неплохо стартовал, но скверно закончился. Других хозяйчиков раскатать на монету не удалось. Плутоватые корчмари тряслись над каждой копейкой. От предложения поработать до полуночи на разгрузке мешков с мукой за пять грантов (ровно половина тулера) он решительно отказался – себе дороже. На аллее центрального парка, когда он осматривал диковинные деревья, сплетенные ветвями, его сграбастал патруль: двое бордовых и один полувоенный с треугольной кобурой на поясе. Пришлось предъявить «документ» – справку установленного образца об освобождении, выданную канцелярией Варвира.

– За особые заслуги перед Королевством, – с ухмылочкой прочел полувоенный. – Хороша формулировочка. За особые заслуги ордена дают, а не из тюрем выпроваживают. Грамотеи...

– Мне не дали орден, – вздохнул Верест. – Может, передумают, дадут еще.

– Чего натворил-то? – сурово сдвинул брови бордовый.

– Нечисть четвертого дня поперла из Леса, – отчитался Верест. – Отличился при спасении господина Зауруса. Он и даровал помилование.

– Не говорите мне про Лес, – буркнул второй бордовый. – Терпеть не могу эту пакость.

– Брешет молодчик, – первый подозрительно оглядел задержанного, особенно рубашку, порядком извазюканную. – Услыхал в тюрьме про налет, и сочиняет теперь.

– Легко проверить, – сказал полувоенный. – А ну ответь, бродяга, кто по званию господин Заурус?

– Эверс-генерал, – не задумываясь, ответил Верест.

– Генерал – не звание, это – счастье, – хмыкнул второй бордовый.

– Кто сопровождал генерала в инспекционной поездке?

– Дочь Амира, – отчитался Верест. – Они и уцелели. Выжили сержант Фриджо, бригадир Баур, комендант учреждения Варвир и еще, кажется, трое. Человек девяносто погибло – из них половина заключенных.

Полувоенный протянул бумажку. Нехотя козырнул.

– Порядок, можете идти. Постарайтесь поменьше бродяжить.

Ночевал он опять под мостом – усталый, без крошки во рту. Смурнея от вновь нахлынувшего отчаяния, забрался в щель, долго ворочался на мешковине. Твердо решил с утра отмыться и постираться. Внезапно задумался: подозрительно уж легко отпустил его из кутузки Варвир. Понятно – вне себя от счастья, сам едва спасся. Генерала не мог послушаться. Однако, странно. Дважды битый Верестом, мстительный, коварный, любопытный – и просто так отпускает с богом? Мог убить – состряпать несчастный случай «на производстве», и как с гуся вода. Решил отстать? Сомнительно. Часы и кроссовки заинтриговали Варвира. Не дурак он, понимает, что промышленность данного мира такие штучки не потянет. Остается одно: он продолжает за ним следить, не теряя надежды выудить информацию. Но каким образом? Средства радио- и электронного наблюдения решительно отпадают: до жучков, клопов и прочих насекомых этому миру ползти еще лет девяносто (если Нечисть не будет против). Следить могут банально: глазами. То есть тупо висеть на хвосте. Так и делают, по всей видимости – меняя хвосты и докладывая Варвиру. Он ни разу не оглянулся, чтобы посмотреть, не идут ли следом.

Надо оглянуться. Обязательно.

Не успел он уснуть, как началось нашествие.

– Тухляк! – заорали в ухо. – Наше место занято!

Он почувствовал, как его тянут за ногу. Голова куда-то поползла, меняя угол наклона к горизонту.

– Тащи, тащи, шас мы ему навешаем, этому новоселу!

Определенные нотки в голосе Вересту не понравились. Слишком вульгарно и заносчиво. Когда угол наклона к горизонту принял значение «ноль», а тело практически вытянули на улицу, он вырвал ногу и послал кому-то в грудь.

«Не слишком ли часто я распускаю руки... ноги?» – мелькнула мысль. Человек сдавленно охнул. Второй рассердился:

– Ах ты, гад! Ну, на тебе!

Верест не стал дожидаться воплощения интригующего «на!». Двинул второй ногой. После чего выбрался на свет божий, взял обоих бродяг за шиворот и стал их рассматривать. Ничего живописного или экзотического. Наши бичи ничем не хуже. Те же тряпки, изъеденные гноем лица. Еда в бумажных свертках – незамысловатые «бомж-пакеты». Матерятся, правда, на другом языке, послабее, но какая разница?

Один пытался достать нож. Головорез, тоже мне... Он предотвратил бандитский вариант, легонько стукнув их лбами. Нож выпал. Один заголосил, другой жалобно взмолился:

– Отпусти нас...

Дал обоим пинка для рывка и отпустил с миром.

– И не возвращайтесь! – крикнул вдогонку. – Здесь я ночую!

Ночь прошла беспокойно. То и дело он поднимал голову, вслушивался.

Утром проснулся вконец разбитый. Над головой скрипели телеги.

«Кого бы еще спасти? – подумал вяло. – Чтобы одели, накормили, жить оставили...» Голод тряс, как лихорадка. Натянув сапоги, он ополоснул физиономию и отправился на хлебный заводик, где давеча отказался от предложения заработать пять грантов. Про возможную слежку даже не вспомнил. Световой день таскал мешки с мукой от подъездного пандуса на склад. Вышел, покачиваясь, но имея восемь грантов в кармане – с премией за усердие. Половину проел в ближайшей забегаловке. Под мостом помылся, отстирался, и когда сумерки улеглись на землю, отправился на улицу Глюка-Освободителя.

Хорог выпроваживал последних посетителей. Толстушка Тао, готовясь мыть полы, переворачивала стулья. Улыбнулась приветливо:

– Здравствуйте.

– Держи, – протянул Хорог монету из желтого металла. – Не приходил Рыжий Морт. Тебе накрыть?

– Без пива, – кивнул Верест. – У тебя отменный эль, приятель, но у меня с деньгами временные трудности.

Пока Хорог собирал ужин, из кухни появилась девушка со стопкой чистой посуды. Проскрипела стоптанными башмаками за стойку бара и принялась ее куда-то расталкивать. Симпатичная. Ресницами хлопает – залюбуешься. Немножко кругловата, но не плюшка. Платице простое, на наряд гуцулочки похоже. «А тут неплохо, – неожиданно дошло до Вереста. – Лучше, чем под мостом».

– Дочурка моя, Пуэма, – пробухтел Хорог, подтаскивая поднос со снедью. – Умница моя, помощница, скромница редкая. Но тебя ведь это не колышет? – хозяин заведения строго посмотрел ему в глаза.

– Абсолютно, – заверил его Верест. – Я на твою дочурку ноль внимания. Там рога висят оригинальные, вот на них и смотрю. Что за зверь такой, приятель? Он, наверное, остался не очень доволен, когда с него эти рога откручивали?

Хозяин хмыкнул.

– Олень-курыч, парень. Водится практически везде, где есть деревья. Ты, Лексус, единственный в этом мире, кто не знает оленя-курыча. Ты кушай, кушай, не слушай меня.

– Я прибыл с северных территорий, – насупился Верест. – Это очень далеко.

– Ну, надо же, – покачал далеко не глупой головой Хорог. – Ты не псих, Лексус. Старого прохиндея не обманешь. Но лицо у тебя не наше. И говоришь ты не по-нашему. Воспитан, спокоен, с достоинством у тебя в порядке. Не побоюсь сказать, что в тебе протекает благородная кровь. Порода не спрячешь. Но ты не с севера, точно. Потому что ни хрена о нем не знаешь. Так бывает?

– Наверное, – улыбнулся Верест. – Длинная история.

– Да уж не короткая, – Хорог почесал затылок. – Тебе ночевать есть где?

– Есть, – кивнул Верест. – Под мостом.

– М-да... Крепко тебя жизнь скрутила... Расскажи старому пройдохе свою историю?

– Когда-нибудь. Она невероятна, приятель. Но ты прав, я не бандит.

Женщины внимательно прислушивались к разговору. Девочка-гуцулочка растолкала наконец посуду, одарила Вереста блеском газельих глазок и ушла на кухню. Интерес к оленьим рогам заметно приутих.

– Тут Каймак недавно забредал, – как бы между прочим заметил Хорог. – Приятель мой. У него кабачок на соседней улице. Пришел и чуть не плачет. Тоже дела кувырком. Налоги подняли, зарплаты на королевских заводах урезали, мужиков, понятное дело, в армию стригут. Навара нет, а тут еще Вшиварь со своими громилами завалился. Плати, говорит, триста монет, и баста. Будем твою территорию стеречь. А не то жену твою, красавицу Юну, снасируем, харчевню спалим, а самого к дубу в чаще привяжем и бросим – пусть волчатки потешатся. А у Каймака баба молодая, не чета самому, знаешь, как он трясется за нее?

– И что? – насторожился Верест. Хотя ясный пень, куда клонит прошелыга.

– Обещали зайти после полуночи. За деньгами. Ихняя банда в заброшенной швейной мастерской на Груаля обретается. Пойдут через пустырь за фарфоровым заводиком, другой дороги нет. Да ты не волнуйся – их всего трое. Или четверо. Но не больше пяти, – Хорог как бы смущенно кашлянул. – Работа по тебе.

– Я не убийца, – хмуро пробормотал Верест.

– Да Эрмас упаси, – испугался Хорог. – Покалечить, не надо убивать. Но чтобы не встали. Никогда. Пусть по кроваткам валяются, отдыхают. А то уж уработались, подонки... Доброе дело, Лексус – ты избавишь общество от грязи, оно тебе спасибо скажет.

– За спасибо не работаем, – отрезал Верест.

– Да ты не дослушал! Каймак даст десять монет! Понимаешь, ему нет резона обращаться к властям. Местный урядник Брумс нечист на руку – он покроет банду Вшиваря, да сам получит с тех трехсот...

Знакомо до тошноты.

– Двадцать монет, – перебил Верест. – И не меньше. Плюс подробные инструкции – что да как. Плюс минимум посвященных. Последнее слово.

– Хорошо, – не стал торговаться харчевник. – Мое-то какое дело? Ты посиди, а я сбегаю к Каймаку, пошепчусь с ним...

Глупо улыбаясь, он попятился к выходу, пяткой открыл дверь и растворился в параллельном мире.

В данной ситуации работало только «грязное у-шу» – пресечь бой любыми мерами, не давая противнику проснуться. Долей благородство и милосердие. Темные личности пересекали пустырь, минуя живописную свалку, когда он вырос из ниоткуда. Работал в маске – плотной фланели, замотанной ниже глаз. Рубанул палкой, сверху вниз – такой удар невозможно перехватить. «Идущие вместе» распались. Центральный завизжал, схватился за голову, рухнул

на колени. Ублюдки, однозначно. Одеты неплохо, но рожи! Еще два удара – по бокам, наугад. Достать нужно, разозлить. Если кинутся наутек, ему одному за тремя не угнаться.

– Жиряк, дави его! – заверещал задохлик в заливчатской «тирольской» шляпке. Жиряк, вестимо, самый жирный, бегемот в сапогах, попер в лобовую, растопырив клешни. Рано палку бросать. Энергию – в живот: тяжелый свинцовый шар, выбрасываемый в удар. Энергия сильнее палки: прочертив дугу, «бита» с хрустом переломила ключицу и сломалась. Толстяк охнул. Классический цуки – кулаком по спирали, и от носа жалкое месиво... Третий выхватил нож – прыжок, удар ноги, тонкая сталь запела, уходя в полет. Рубанул по почкам, натянув рукав, и головой – в лицо.

«Тиролец», недолго думая, дал жару. Одинокое бегство Верест предусмотрел: под горой отходов заприметил идеальный для метания бочонок. Заморыш не блистал ни в драке, ни в беге: семенил какими-то кривыми шажками, выбрасывая колено. «Спецсредство» идеально вписалось в затылок, швырнув бандюгана в сохлые помои. Нормально. Не помрет, но дураком останется.

Всё, точка. Добивать не буду, решил Верест, не фашист. «Тиролец» лежал без движений. Получивший палкой по голове страдальчески постанывал. Толстяк пускал носом. Четвертый, обронивший «перышко», пытался приподняться – кровь заливала лицо, не давая видеть, рука прижалась к отбитой почке. Верест легонько толкнул его носком сапога: несостоявшийся рэкетир послушно завалился на бок и затих...

Опасность он, конечно, проворонил. Толстяк оказался живучим. Жирная лапа распрямилась в локте, схватила его за щиколотку. Он отшатнулся – и напрасно. Потерял равновесие, упал, впаявшись затылком в какой-то перевернутый тазик. Загудело громко – в голове ли, в тазике. Но тело уже летело на полусогнутые – не спи, проспшишь всё на свете. Схватил злополучный таз, вырвал ногу – ручищи уже тянулись к его штанам – и огрел жирного по макушке. Хватило одного «огрева» – Жиряк уронил голову. Притих.

И вдруг он ощутил холод в верхней части позвоночника. Плечи онемели. Гул в голове прекратился, и наступила полная тишина – отвратительная до тошноты. Холод не задержался, пополз вниз – по дискам, по будущим грыжам. Откуда-то вылез животный ужас, волосы зашевелились на голове, дыхание перехватило. Что за пошлятина? Такого еще не было в этом мире. Очень медленно, словно не решаясь спугнуть подлетающую к затылку пулю, он обернулся.

В узком переулке на задах гончарни шевельнулась тень. Темень не была крошечной: день финишировал не пасмурно, луна висела матовой лампочкой. Подмигивали звезды – желтые светлячки на абсолютно черной простыне...

Он прищурился, всмотрелся. Незнакомец не прятался, спокойно стоял в переулке и наблюдал за неблагоприятными делами Вереста.

Но почему такой страх? Он не проходил, забирался в позвоночник вместе с холодом и начинал его яростно трясти. На человеке был длинный балахон, голова прикрыта островерхим капюшоном. Рост – обычный. Не человек, мутный абрис, размытый мраком переулка. Кто такой? Представитель придонной публики? Клеврет Варвира? Каймак? Хорог, издерганный любопытством? Да ни в жизнь – энергетика данных господ не заставит его испытать звериный ужас.

А человек ли там?

Они стояли и сверлили друг друга глазами. Очертания фигуры внезапно потекли, размылись – словно некий живописец взял кисть и принялся замазывать наблюдателя цветом фона. «А ведь он совсем близко! – осенило Вереста. – Метров сорок-пятьдесят. Неужели не достану?»

Он сделал попытку разомкнуть губы, окликнуть, но губы оказались сухими, как горячий песок. Звуки не шли. Он сделал несколько шагов – фигура стушевалась, стала пропадать: то ли человек отступал в тень, то ли... растворялся в воздухе. Он ускорил шаг, почти побежал»

сжимая кулак, готовый бить без базара – за испуг надо платить. Но чем ближе приближался к переулку, тем меньше там оставалось незнакомца. Скрипя зубами, он вбежал в узкий проход, остановился. Принялся растерянно озираться. Никого. Полное наличие отсутствия.

Но страх остался.

Фонари, как и в любом недоразвитом обществе, имелись, но не горели. Прижимаясь к стеночкам, он на цыпочках прокрался на улицу Глюка-Освободителя. В ограде харчевни Хорога перепуганный Каймак – благообразный кудрявчик лет шестидесяти, передал деньги в тряпчатой мешочке. Не пристаивая с расспросами, уяснив суть, испарился. Видимо, Хорог популярно объяснил человеку, что дело этого парня побеждает при любом количестве оппонентов.

Голова разрывалась на куски.

– Эй, Хорог! – застучал он в дверь. – Пусти переночевать, не тянет что-то под мост. Я тебе тулер заплачу... Не будь гадиной, Хорог!

– Ну чего ты долбишься, заходи, – приоткрыл дверь трактирщик. – Ночуй уж задаром, бродяга, да помни мою безбрежную доброту.

Он отвел скитальцу комнату-клеть на чердаке, где имелось узенькое окно и кровать. Миллионы лет он не спал в настоящей кровати. С той самой роковой пятницы, когда выпил на сон грядущий три бутылки «Солодова», так и не позволившие ему в должной мере ощутить тепло и умятость собственной постели...

Сквозь сон он различал скрип на лестнице – кто-то крадучись поднимался к нему на чердак. Он не прыгал в боевую позицию ниндзя – слишком устал, пусть поднимаются. Скрипнула дверь, опять шаги, легкие, неслышные, улавливаются не ушами, а мозгом... Шелест одежды, дуновение ветерка от сбрасываемого платья... Что-то мягкое, податливое, с нежной кожей, чистым дыханием и безупречной совестью забралось к нему в кровать, и волей-неволей пришлось просыпаться.

– Лексус, не прогоняй меня, – зашептало разгоряченное создание, жарко дыша ему в ухо и целуя в трехслойную щетину.

– Пуэма? – вяло удивился он. – Деточка, ты зачем сюда пришла? А если мама заругает?

– Не прогоняй меня, Лексус, не прогоняй... – спотыкаясь, твердила разгоряченная «деточка». – Я помню, как ты смотрел на меня тогда, в зале... Ты ведь очень меня хотел, правда?

Отрицать несправедливо. Что правда, то правда. А какими еще глазами изголодавшийся, половозрелый мужик должен смотреть на хорошенькую девушку? Не на рога же олени смотреть...

Вертлявая змейка поползла по груди, спустилась ниже. Теплые ручонки взялись за единственный предмет туалета, носимый Верестом на данную минуту. «Прости меня, старина Хорог, я больше не буду... – думал Александр, погружаясь в пучину страсти. – Но и меньше не буду, уж не обессудь...»

Этой ночью он узнал о разврате ВСЁ. Эта скромная девчушка в «гуцульском» облачении творила чудеса. В кругах скучающего бомонда такие штучки называют «французской ванилью» – за ласку, шарм и умение любыми способами поднять мужчине настроение. Многократно за короткую ночь он уплывал в бурю и каждый раз думал, что это предел. Ведь должен быть у мужика предел? Но она продолжала над ним трудиться с упорством ударницы – откуда у скромной девушки этот бешеный темперамент? И по прошествии секунд он уже сам работал генератором, тянул ее к себе, с пылом и рвением, остерегаясь лишь одной опасности из целого сонма: ребеночка бы в запале не забубучить...

Пикантность происходящего состояла еще и в том, что они не могли шуметь. Ни стонать, ни прыгать, ни отрывать от пола ножки кровати. Как отреагируют Тао с Хорогом на его нахаль-

ство, Верест не знал, поэтому дышал сдавленно, а восторги выражал неопределенно. Пуэма тоже помалкивала, хотя, вероятно, по иной причине: она прекрасно ЗНАЛА, как отреагируют сородичи.

Предел настал. Он невнятно отложился в памяти – полная дисфункция конечностей, коматозный мрак в голове и утрата способности осязать. Он уснул, возвратясь на грешную землю, и это был не самый худший сон в его жизни.

Зато пробуждение выбилось из контекста. Расставание с Пуэмой он благополучно проспал. Очнулся от подленького страха – на зыбкой границе ночи и рассвета. Знакомое состояние – не прошло и шести часов со встречи на пустыре, а кошмар повторялся. Охваченный холодом, он провел рукой по кровати – где моя Пуэма? Пригрезилась?

Мутно очерчивался квадрат окна, подернутый дымкой, стропила, бревна, заделанные соломой. Он повернул голову направо и ... застыл, погрузившись в лютый мороз. На колченогом стуле сидел черный человек в балахоне. Верхнюю часть фигуры закрывал мешковатый капюшон.

Возможно, это был человек. У него было две руки, две ноги и, очевидно, голова. Но лица у него не было! Во всяком случае, Верест не смог разглядеть этой обязательной составляющей любой человеческой особи. Без рук или ног человек еще с оговорками может считаться таковым. Но вот без лица...

Из-под складок капюшона на Вереста смотрела густая, абсолютно непроницаемая чернота. Не очень приятно, когда на вас смотрит чернота. Не налево, не направо, а именно на вас!

– В чем дело? – прохрипел он, в бессилии скрипя зубами. Он не мог встать, сдернуть капюшон и начистить рыло этой долбаной черноте – руки не отрывались от кровати.

Чернота молчала.

– Приятель, ты начинаешь меня утомлять. Хочешь пообщаться – давай общаться. Но не молчи, как тупая рыбина – раздражает. Познакомиться не решаешься? Ну, давай знакомиться – Лексус...

Фигура шевельнулась. Повеяло сквозняком, но не с улицы, а от темной личности, продолжающей играть в молчанку.

– Ты не Лексус, – раздался вкрадчивый голос.

Странно, он прозвучал глубоко в мозгу.

– А кто я? – удивился Верест.

Тишина. Серое вещество помалкивало.

– Зачем ты за мной ходишь? Есть дело – говори.

Тишина набухла и пузырилась.

– Да кто ты такой, мать твою? – разозлился Верест. – Вот отвернусь, усну и седи себе, сопи в тряпочку хоть до второго пришествия...

– Оно уже было, второе пришествие, – объемно и многомерно объявил голос. – Но это антипришествие. Сатана руками подручных завоевывает мир. Он отнял Фанжер и Гонзаг. Через неделю падут в прах Сурин, Вергилия, Эрминия. Через месяц – Колокус. Через три – материк. Через полгода падет этот мир, и настанет очередь следующего. Он совсем рядом – следующий мир. Не нужно никуда плыть, лететь, совершать многодневные переходы. Стоит лишь открыть маленькую дверку и войти. А он намного живописнее и обустроеннее нашего – верно, Александр Максимович?

– Да кто ты такой? – рассвирепел Верест. – И если ты такой умный, то угадай с трех раз: виновен ли я в том, что вляпался в этот мир?

– А у нас сегодня викторина? – насмешливо произнес голос. – Не проявляй любопытства, Верест. В вашем мире оно убило кошку, в нашем – девочку Мелину, пожелавшую узнать, почему дракон Чао предпочитает на десерт маленьких девочек.

– Пустой базар, – отрезал Верест. – Выкладывай цель визита или убирайся. А то сидишь тут, людей пугаешь... Пугало огородное.

Визитер не реагировал на грубость.

– Для человека в безвыходном положении ты ведешь себя интересно, – вкрадчиво-придушенно сказал голос. – Но не тарань пустоту, Верест. Не разрушай хрупкую конструкцию своих взаимоотношений с этим миром. Он не так прост, как ты думаешь. К тебе присмотрятся, жди нас...

Он не очень понял, ушел этот черт с бугра или растворился в многообразии миров. Что-то сдвинулось в устоявшемся пространстве, незнакомец пропал. Верест перевел дыхание. Руки оторвались от пропотевшей простыни. А стоит ли вставать? Время раннее. Не поспать ли еще? Зрение расплылось, потекло...

Именно так, без особого принуждения, и заводятся неприятности. Как мыши под половицей.

Когда он проснулся, утро было в разгаре. Правый висок болезненно зудел – натер о подушку? Верест боязливо покосился в известном направлении. Что это было? Классическая декстрофобия – боязнь предметов, находящихся справа?

Остаточные явления страстей – полночных, ночных, предутренних – копошились в теле и тихо попискивали. Он встал, проверил засов на окне – заперто изнутри. Пощипал стены (умнее не придумал), потряс стропила.

«Приснилось!» – осенило больную голову.

И балахон приснился, и Пуэма – с нимфоманией. Хотя нет. Что-то в его теле было не так. Сознание путалось в закоулках, но он понял, ЧТО не так. Резинка от трусов привычно не давит. Ни резинки на нем сегодня нет, ни трусов. Сам стянул в припадке ночных фантазий?

Снаружи заскрипела лесенка, побежали ножки. Он не успел сделать руки крестиком, как ворвалась Пуэма – сияющая, в «гуцулочке», повисла на шее, источая аромат ландыша.

– Ты проснулся, Лексус... Одевайся – я барашка разогрела. Родители не знают, что я сюда пошла, они за луком меня послали...

Он схватил ее за руку, иначе и след бы ее простыл.

– Постой, милая. Скажи, перед рассветом чужие в доме не появлялись?

Она засмеялась – как колокольчик, рассыпающий перезвон.

– Ты шутишь, милый? Откуда чужой? У нас ставни и засовы крепкие. Спускайся, только отцу с матерью ничего не говори. Они так расстроятся. Потом скажем, хорошо?

Она умчалась, сверкая розовыми пятками. Он стоял посреди клетушки – нагой, растерянный. Ай да девочка. Любимица семейная. Похоже, ее в детстве никогда не пичкали ремнем. А надо было.

Итак, ночная карусель с Пуэмой ему не приснилась. Вопрос с балахоном остается открытым. А барашек – это любопытно.

Через кривое, мутное стекло слышался лай-перелай – уличные шавки опять чего-то не поделили. Местные псины ничем не отличались от земных, во всяком случае – бродячие.

Он оделся и спустился вниз – пора и честь знать. Барашек – это, конечно, событие, но стоит ли злоупотреблять гостеприимством? С лица Пуэмы информация о содеянном читалась, как с газеты, стоит трактирщику или супруге повнимательнее в нее всмотреться – и Верест летит из этого дома как фанера, навсегда. Или обратное: скоропостижная женитьба, и он становится послушным, идеальным мужем. И что из этого хрен, а что редька – абсолютно не суть.

Но Хорога терзали более высокие материи. Он вывалился из-за стойки и покатился к Вересту. Зал, по обыкновению, пустовал – лишь в дальнем углу заседали двое опрятно одетых мужчин с пивом, а при них – скучающие мальчуганы, очевидно, отпрыски.

– Они не видели твоего лица? – возбужденно поинтересовался Хорог вместо вежливого «с добрым утром» или, скажем, «как спалось?»

– Нет. Держи, – Верест бросил на плечо хозяину мятую маску-фланельку. – С крючка на кухне спер, извиняй. А что-то случилось?

– А то не случилось... – Хорог еле сдерживал радость. – Ночь не прошла, а весь район уже знал, что кто-то отправил банду Вшиваря на пенсию. Один из разбойников ночью очнулся, дополз до урядника Брумса, – а тот лучший друг лиходеям, разъярился, полицию по струнке выстроил и орал так, что нечисть в Лесу зашевелилась. Отлично ты их отдела, Лексус.

– Я тебя умоляю, давай без рекламы, – взмолился Верест.

– Конечно, конечно, могила... – плутовато забежав глазками, зачастил хозяин. – В чем вопрос? Ты последние новости слышал? В Вергилии опять прорыв. Нечисть прет, как тесто из банки. Обложила Альбион, не вырваться. Король Фрискар отдал приказ под ружье всех – и калечных, и блатных. Ой, что творится... А вчерась из колодца в Бинбао – это пригород Чуги – как полезла мерзость... То ли крысы, то ли барсуки какие-то, не поймешь. Рожи жирные, зубья – как сабли... Хорошо, ихняя служба очистки мышей не ловила – окатила заразу из огнеметов, а потом колодец химией залили по горлышко. Но многие-то расплзлись – по подвалам, по котельным, где их ловить? Чует мое сердце, Лексус, недолго нам осталось. Я не военнообязанный, соберу вещички, домашних под мышку – и рвану на восток, в Касперо. Пока-а туда нечисть доберется – жизнь пройдет. Вот только Пуэму до глубины души жалко. Пропадет девка без хорошей жизни...

Верест непроизвольно скосил глаза. Из кухни аппетитно шкворчало. В голубом дыму, благозвучно напевая, кружилась скромница-прелестница.

– У меня к тебе предложение, Лексус, – не давал отвлечься трактирщик. – Поработай у меня? Ну, полы помыть, дров нарубить, пьяную компашку развести. Даю комнату, кормежку и две монеты в день. По рукам?

Неожиданное предложение. Верест задумался. Жаловаться на жалование? Маловато, по широкому счету, но ладно. Клиентов у Хорога все равно шиш – не уработаешься. Двадцать тулеров – под подушкой, пять Хорог еще должен за старину Морта, а два ежедневно, не считая кормежки – твердое пиво. Опять же Пуэма под боком – не даст забыть, для чего Создатель смастерил мужчину. Всё неплохо. Но вот с какого бока приткнуть предрассветного визитера? Так и будет являться, пока до белого каления не доведет?

Впрочем, являться он будет везде, даже под мостом.

– По рукам, – согласился Верест.

– Дядь, научи драться, – потянул за рукав пацан.

Верест от неожиданности вздрогнул.

– И меня научи, – потянул другой. Малолеткам надоело дышать отцовскими парами, решили прогуляться. Но какого черта?

Он недобро глянул на Хорога.

– А чего сразу я? – икнув, засуетился Хорог. – Я и ляпнул-то мужикам, что ты дерешься нормально. Думаешь, они решат, что это ты разукусил Вшиваря с его молодчиками?

– Думаю, – процедил Верест, делая самурайское лицо.

Хорог смущенно поводит носом.

– Научи, а? – сверкая глазенками, канючила мелюзга.

Дрались в этом мире отвратительно. Ни школ, ни техник грамотного мордобития. Смешно лупились кулаками, с отмахом и мимо, а ногами умели только пинаться.

– А ну брысь, мальки, – шутливо шуганул пацанов подошедший папашка – неглупого и неагрессивного вида мужик в камзоле. Пацанва разбежалась. Мужик протянул жилистую руку.

– Ларио. Инженер с ткацкой фабрики.

Подошел второй, потолще.

– Френс, ремонтник. Оттуда же.

Технарей в этом мире уважали, но не особенно жаловали. Как, впрочем, и в параллельном.

– Лексус, временно неработающий, – бесхитростно представился Верест.

Мужики шутку поняли, но не особенно оценили.

– Ты, говорят, какие-то затейливые приемчики знаешь? – поинтересовался Френс.

– Кто говорит? Он? – подивился Верест, ткнув пальцем в Хорога. Колобок сразу сделался каким-то прозрачным, словно нет его тут.

– Не бойся, Лексус, – инженер понизил голос. – Мы знаем, кто отдал шайку Вшиваря, но никому об этом не скажем. Туда и дорога ублюдкам. А если выйдет Брумс на твой след – тоже не волнуйся. Мой свояк – зам шефа полиции Восточного округа, выкрутимся.

Верест пробормотал что-то маловразумительное.

– А он скромняга, – оценил темперамент пришельца ремонтник. – Послушай, парень. Как насчет дать нам несколько уроков? Понимаешь, жизнь нелегкая, а назревает еще хуже, недалек тот день, когда нам кулаками придется прокладывать дорогу из Колокуса.

– У папаши Хорога удобный сарай. Пустишь, папаша? – поворотился инженер к трактирщику. – А ты, парень, не пожалеешь о потерянном времени – мы заплатим.

Когда любимое дело приносит дивиденды – это прекрасно. Понятно, никакого каратэ или Да-цзе-шу он изображать не собирался. Основные элементы дзю-до, кое-что из бокса – для нормальных мужиков в примитивном мире без китайцев и японцев – вполне достаточно. Ближе к вечеру он наколотил дров, построил из них красивую египетскую пирамиду и подался в сарай на задах таверны. Помещение досталось так себе, с душком и пауками, но просторное. Груда старых матрасов, откопанных в бельевом чулане, заменила татами. Детишкам – Маису и Чукки – он определил место в углу, чтобы обезьянничали и не лезли, взрослых стал терзать посреди зала. Начал с ключевых позиций рук и ног, показал стойки, броски, базовые удары, машинально отметив, что является родоначальником доселе невиданного единоборства – смеси дзю-до, бокса и деревенского хождения «стенка на стенку». Особый упор сделал на падениях – немаловажной составляющей выживания. Мужики попались с головой – у технарей это не редкость. Удивлялись, правда, всему, как дети. Элементарная подсечка привела Ларио в восторг, а броски Френса последовательно с колена, бедра и плеча – и вовсе вогнали в экстаз.

– Невообразимо... – бормотал ремонтник, с криком поднимаясь с вонючего матраса. – Я хочу это знать, Лексус, мне надо это позарез.

Он охотно понимал мужиков. До тех пор, пока получается, борьба будет засасывать (как рыбалка – пока клюёт). А дальнейшее напрямую зависит от терпения и реального желания противостоять жизненным неурядицам.

За пару часов потоотделения ему заплатили по два тулера с носа, итого восемь, которые немедленно перекидывали в шелковый мешочек под подушкой. Вдребезги разбитый, он мыл полы, менял прогнившую ступень на крыльце. Добродушная Тао самолично принесла поднос с едой и смотрела глазами оценщицы, как он сметает со стола блюдо за блюдом. «Уж больно подозрительно сечёт, – с опаской думал Верест, стараясь не подавать вида. – Не так ли смотрит потенциальная теща на будущего зятя?»

Душ располагался за трактиром, в фанерном закутке. Насос через фильтр подавал артезианскую воду в видавшую виды бочку, подвешенную к потолку, где она подогревалась паровым змеевиком от кухонного котла и по вечерам подавалась потребителям. Он с наслаждением плескался, отмывая от себя многослойную грязь. Неподвижно стоял, наблюдая, как конденсат рисует на пленке психоделические узоры. Пуэма скользнула к нему, когда он стоял беспомощный, глаза в пене – прильнула каждой клеточкой, словно хотела срастись. Счастливейшее создание – исцеловала его вдоль и поперек, смыла с него пену. Он по глупости полагал,

что силы на сегодня кончились, фонтан черемухой накрылся, а оказалось – эта девочка умела заводить. Они слились – напористо, но тихо: шуметь на весь двор – над последствиями обхочешься... Она ему заткнула рот, он – ей. Она таяла от счастья, он дурел... Потом лежали на грубом полу, подставляясь под потоки воды.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.